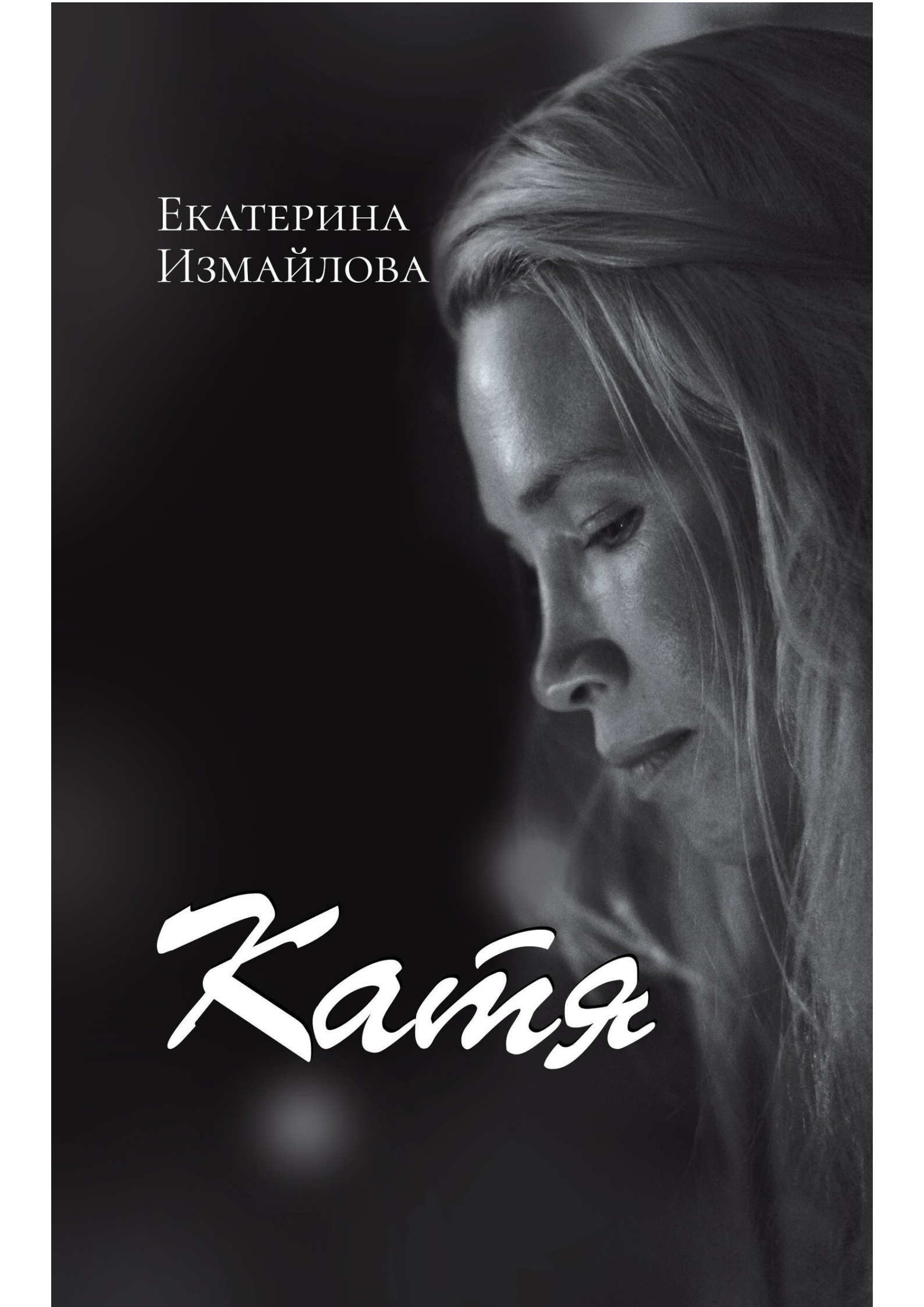

ЕКАТЕРИНА
ИЗМАЙЛОВА

Катя

Екатерина Измайлова

Катя

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Измайлова Е.

Катя / Е. Измайлова — «РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-4491-0098-6

Это реальная, но вместе с тем совершенно фантастическая история о том, как полностью изменить свою жизнь. Она о любви, о материнстве, о крепкой дружбе и о простых истинах, которые кажутся такими сложными в реальном мире. Она о девушке, которая, попадая в место, где живёт любовь, с каждым днём всё сильнее начинает верить в магию. В то, что всё в нашей жизни не случайно. В то, что знаки, ведущие нас, они повсюду. Стоит только увидеть, стоит только захотеть, и жизнь сама укажет правильный путь. Да и как не верить, если вокруг только море, горы, вкусная еда, счастливые люди и легенды о том, что было и чего никогда не было, но вполне могло бы случиться? Посвящается всем, кого люблю и о ком мои молитвы каждый день.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4491-0098-6

© Измайлова Е., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Ветер перемен	6
1	6
2	9
3	14
4	29
Сладкая кукуруза	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Екатерина Измайлова

Катя

© Измайлова Е., текст, фотографии на обложке, 2018

© Де'Либри, оформление, издание, 2018

Ветер перемен

1

«Наш самолёт совершил посадку в городе Т. Температура воздуха за бортом +35 °С. Местное время 17 часов 30 минут. Разница по времени с Москвой минус один час. Капитан корабля и экипаж благодарят вас за то, что выбрали нашу авиакомпанию и за приятный полёт. Просим оставаться на ваших местах пристёгнутыми ремнями безопасности до полной остановки авиасудна и отключения табло “пристегните ремни”. Благодарим за внимание».

Вы когда-нибудь бежали? От себя? От своей жизни? Из одной страны в другую? Из одной жизни в другую жизнь? Из одного состояния в другое?

Меня зовут Катя. Я всю свою жизнь бегу. Я не помню, чтобы я не бежала. Всё время дорога. Мой путь. Сначала из одного города в другой, чуть позже из одной страны в другую. Бывало, что из одного образа в другой или из одного состояния в другое.

Я действительно немного сумасшедшая и немного устала от своего сумасшествия, как и мы все в той или иной степени.

Я всё время ищу себя. Ищу состояние, в котором мне будет комфортно. В котором я буду самой собой. Приму себя такой, какая я есть. Научусь с собой договариваться. Договариваться с собой такой, какая я есть.

Мои поиски... мои побеги... Это знаете как?

Как будто, например, прилетаешь в страну, а тебе там так хорошо, словно это твоё родное место. И белоснежный песок, и пальмы, и непокорный океан, и пряный ром, и иллюзия свободы... Так, что хочется остаться навсегда. Или возвращаться снова и снова. У меня так с Кубой было около 8 лет назад.

Или, например, случайно меняешь свою внешность из обыкновенной брюнетки в яркую блондинку. И понимаешь, что по-другому уже не будет никогда. Ты блондинка. Яркая и сочная. И пусть ветер перемен вечно бродит в твоей голове, не зная и не ведая приюта. У меня так было с самой собой около 20 лет назад.

Или заходишь в чей-то дом, как будто это твой дом, где ты хочешь жить, любить, творить и создавать и успокоиться на этом наконец-то. Утихомирить свой ветер. Вкусно готовить, чтобы всюду, среди многочисленных комнат, где сотнями колокольчиков звенит громкий детский смех, слышались ароматы овсяных печенек и утки под сладким медовым соусом. И белые ретрозанавески развевались на ветру. А за окнами, за распахнутыми ставнями больших красивых окон шумело море. И лес хранил свои тайны на склонах гор. И пахло хвоей. И соль оставалась на губах. У меня такого не было... Никогда...

Причём я замечала, что каждый раз после этого «как будто» жизнь меняется кардинально. Раз и навсегда. Это как точки невозврата.

Как правило, жизнь после этого «как будто» кажется яркой и полной перспектив, новых свершений.

Потом, как и всё в этой жизни, пыл остывает и переходит в обыденность, повседневность, постоянство и быт. Эти страшные, режущие ухо слова, которые так верно характеризуют реальную жизнь обычного человека. Я никогда не могла с этим смириться. Терпела, но не уживалась. Как-то не могла.

Я не могла смириться со стереотипами, принятыми в обществе правилами поведения и образа жизни. С картинкой, которая считается нормальной для всех и каждого. Я не хотела быть как все, жить как все, чувствовать как все. Хотелось создать свой особенный мир, в основу которого я заложила бы только те принципы, которые сама считала правильными на тот момент времени.

И я бежала, меняя даты, адреса, пароли и явки.

Иногда мне казалось, что я мечтаю остановиться на том, что есть, но после очередного витка моей жизненной спирали я понимала, что нет. Момент ещё не настал. И задавалась вопросом: «А настанет ли он вообще?» Найду ли я место, отыщу ли реальность, где мне будет хорошо? И где будет хорошо тем, кого я люблю?

В моей голове была сотня тысяч вопросов, накопленных за годы. Я не знала. Не понимала. Прогибалась под обстоятельства. Путалась. Сомневалась. И пыталась строить заново. Училась творить вслепую. Без ориентира. Без надежды что-то понять.

Вслепую нельзя. Слишком сложно. И легко ошибиться. Свернуть не туда. Но на тот момент у меня не было выбора. А идти вперёд было нужно. И я ведь не просто шла. Я бежала.

Помимо привычки бежать к моим странностям и сумасшествиям добавлялось ещё и то, что я верила и верю во всякого рода знаки, указывающие нам, в каком направлении продолжить свой жизненный путь.

И в то лето, когда мне в очередной раз нужно было разработать план побега, я получила знак и не могла его не принять, потому что он возник как раз в тот момент, когда ему было самое идеальное время...

В прохладный вечер понедельника в конце июня, провожая очередной неописуемый розово-лиловый закат на московском небе, а надо отметить, тем летом все закаты были, каждый по-своему, очень красивы, я заметила на экране своего телефона сообщение от знакомой.

Мы познакомились с Таней во Вьетнаме зимой прошлого года и с тех пор время от времени приятно общались. Таня – красивая умная сильная женщина средних лет – отдыхала на побережьеMui Ne с не менее красивой и талантливой подругой Леной. Я жила там с сыном какое-то время, слушая зов океана и ветра и стук капель тропического ливня по крыше бунгало, в очередной раз сбежав от прошлой жизни, чтобы заниматься йогой и пилатесом на изумрудной траве под крики неведомых птиц и животных.

В сообщении говорилось о том, что Таня предлагает мне с сыном пожить в её небольшой квартирке в городке у моря. Цена была разумная для пика сезона. Страна была незнакомой, я не была там ни разу, но много всего о ней слышала.

Впрочем, на тот момент я не раздумывала ни секунды и лишь потом поняла, что очередной мой вьетнамский побег привёл меня к новому побегу. Так просто. Так банально. А главное, так своевременно.

Мне не могло не понравиться это совпадение. Мне подумалось, что я на правильном пути. Почувствовав принципиально новую свободу, в душном московском воздухе дышать стало как-то легче. И становилось легче с каждым днём. И хоть на какое-то время, но в моём импровизированном мире всё встало на свои места. В ожидании нового, неизведанного...

* * *

Мой самый близкий друг L поддержал меня во всём. Он всегда поддерживал меня в моих побегах и был верным спутником и моим неизменным соучастником долгих 16 лет. Он был папой моего сына, за что я безгранично благодарна небесам, и вольным слушателем всех моих жизненных приключений. Я любила внимать его советам и неизменно поступать по-своему. Любила, когда он наливал холодное сухое белое в пузатый бокал и слушал, слушал... А потом

изредка соглашался, всё чаще кивая головой или досаждая, как я была неправа. Ах, как же я была неправа...

Л организовал билеты, неторопливо помог мне со сборами, проводил в аэропорт на своём большом красивом автомобиле, с особым изяществом помог сдать багаж и расцеловал на прощание нас с мелким у зоны таможенного контроля. Кажется, мы даже немного поплакали. Вернее, поплакала я, поддавшись секундной слабости, испугавшись неизвестности, сокровенной магии, что скрывалась за очередным моим побегом.

Мой милый Л. Мой замечательный человек с чистой и доброй душой. Он очень красивый, высокий, светловолосый, с глазами цвета моря. Удивительный мужчина, который как никто другой умеет заботиться и поддерживать. Это у него в крови. Ему постоянно нужен кто-то, кого можно и нужно опекать. Он не умеет по-другому. С ним поначалу очень сложно найти общий язык, его нужно хорошенько разглядеть, раскрыть, прочитать страницу за страницей, как волшебную книгу. Но зато когда докопаешься до истины, пролистаешь его прекрасную историю, ты прекрасно понимаешь, что такую глубину и силу, какой обладает этот человек, редко встретишь в современной жизни. Л умело прячет это, скрываясь за маской хладнокровного скептика, которому чужды любые проявления сентиментальности.

Мы вместе, рука об руку прошли много путей, бежали вместе много раз, строили замки, потом их рушили и возводили заново в новом месте с новыми силами... Я думаю, он просто устал бежать и искать силы на то, чтобы строить заново, а я устала от того, что он больше не бежит... На самом деле он просто реально смотрит на вещи, а я вечно витаю в облаках и всегда верю в то, что мои фантазии ведут меня по правильному пути.

Но иногда с нами случаются такие истории, после которых даже самый неизлечимый реалист начинает верить в чудеса и магию жизни. Начинает слышать волшебство. И мне лишь только предстояло в этом убедиться, шагнув в свою очередную «точку невозврата», поднявшись по трапу самолёта навстречу новой жизни... новой неизвестности...

2

Что ж, город Т встретил нас с мелким жарким солнцем и сильным ветром, несущим гарь и пепел пожара, бушующего в горах. Для этого времени года пожары не редкость. Сильнейшая июльская жара, сухой воздух и ветер весьма тому способствуют.

Маленький аэропорт. От самолёта до самого здания мы шли пешком по взлётно-посадочной полосе. Я видела грязно-серое облако пожара на склоне горы. Из общей серой массы время от времени вырывались огненные языки пламени. Немного жуткое зрелище. Большой пожар в горах.

Сильный ветер нёс на нас пепел. Маленькая частичка попала мне в глаз и больно обожгла роговицу.

«Сжечь мосты», – почему-то подумалось мне. Ну, жечь, так жечь...

В очереди на паспортный контроль мы с сыном оказались одними из первых, что не могло не радовать.

Дело в том, что любое ожидание, включая многочасовые столпотворения в аэропорту, превращалось для нас в своего рода пытку. Вслед за вечно бегущей мамой мелкий получился абсолютно, совершенно неусидчивым ребёнком, и к тому моменту, когда наша очередь подходила к концу, он, как правило, успевал изучить все доступные углы, проползти сквозь сотни незнакомых ног, перезнакомиться со всеми взрослыми и детьми вокруг.

Вслед за границей паспортного контроля весело крутились по ленте выдачи багажа разноцветные чемоданы – атрибуты неизбежности летней курортной жизни. Вокруг царила привычная для таких мест суета и неразбериха. Крики, волнительный смех, банальные шутки. Люди ждали свой багаж, пили воду, искали туалет. Каждый – о своём. И вроде бы ни о чём. Беспечная зона прилёта, где отбрасывается прошлое и начинается среднестатистическая мечта. Люди шумели, ловили свой багаж и складывали его в тележки, если чемоданов было слишком много. В эти розовые, жёлтые, синие, чёрные прямоугольники, набитые только «самым необходимым». А дальше они тащили, везли их, стуча маленькими колёсиками по бетону, чтобы потом за стеклянными дверями шумного здания отдаться в руки таксистам и прочим представителям трансферных организаций. А уж те, ловя курортный сезон, в прохладных кондиционированных автомобилях и автобусах развозили туристов по отелям, квартирам, виллам и дачам. Чтобы отдыхающие могли пожить не своей, но временной жизнью, пить вино, купать детей в море, есть фрукты, жариться на солнце и просто наслаждаться всем, что дарит лето.

Я достаточно быстро разглядела в веренице болтающегося по ленте багажа наш огромный розовый чемодан, стащила его на пол с неимоверным усилием, взяла мелкого за руку, и мы пошли к выходу. Сыну не терпелось увидеть море, он постоянно твердил о том, что, как только мы доберёмся до нашего дома, тут же пойдём на пляж, и я его прекрасно понимала.

До этого нам уже посчастливилось наблюдать при посадке лазурно-голубую, переходящую в тёмно-синюю гладь вод из иллюминатора. Но нам обоим хотелось ощутить море ближе, быстрее, сильнее.

У выхода нас встретил Танин водитель. Он тепло и дружелюбно пожал мою руку в знак приветствия и усадил нас с мелким в свой старенький «пежо».

Наше путешествие шаг за шагом набирало обороты.

С водителем мы почти не разговаривали. Он вежливо поинтересовался по поводу того, как мы долетели, спросил, как у нас дела, и сообщил, что Таня уже ждёт, после чего я отписалась близким и позвонила L:

– Как вы долетели? – его голос был так далеко, родной и близкий, словно из другой реальности.

– Уф, отлично, правда нас так сильно трясло целый час до посадки. Хорошо, что я опять больше не боюсь летать, иначе было бы сложно. Ты понимаешь, о чём я, – от волнения я водила пальцами по стеклу.

– Бедные вы мои котята, – я слышала голос, переполненный нежностью. – Главное, что всё хорошо. Как вас встретили?

– Отлично, и мы уже едем домой, – я сказала это как-то странно, как будто действительно ехала домой, а не на квартиру, которую арендовала на время своего побега. L, как мне показалось, пропустил мою оговорку мимо ушей или сделал вид, что не заметил. – Таня ждёт нас там. Как устроимся, я тебе позвоню. Как ты сам?

– Всё хорошо. Закончил свои дела. Сейчас еду в спортивный клуб. Целую вас обоих.

– Целуем, – тихо произнесла я в ответ, и мы положили трубки.

За окном мелькали стоянки автомобилей, заправочные станции и горы, горы.

Когда я уже решила, что полечу сюда, многие друзья и знакомые говорили мне, что я не должна ждать от этой страны чего-то особенного, потому что всё здесь очень похоже на наши родные просторы русского юга.

Я и не ждала, но почувствовала. Ещё в самолете, когда мы пролетали над горами и морем. Я почувствовала что-то особенное. И с каждой минутой это чувство росло и крепло.

Всё вроде бы было как обычно. Мы проезжали большие и маленькие курортные городки. И ехали то совсем близко к морю, то совсем далеко от него или петляли по серпантину.

Но что же за чувство тогда родилось в моей груди? И почему мне было от него так радостно и спокойно? Что такого было в этом месте?

Странное ощущение лёгкости и свободы внутри меня. Ощущение того, что я на правильном пути. На пути к своей новой реальной жизни.

Наконец мы съехали с основной трассы на дорогу, ведущую в маленький городок у моря. Он мне сразу показался каким-то странным. Сонный и ветреный в этот воскресный вечер, он будто предвещал перемены. И я приехала в это время, когда повеял ветер перемен.

Нужный нам дом находился всего в нескольких минутах езды. Нежно-зелёные с белым фасады, веранды, балконы. Казалось бы, дом как дом, но это был дом на море, с видом на море и с запахом моря.

* * *

Таня стояла на балконе в красивом белом хлопковом платье, которое романтично развевалось на ветру.

– Привет, мои дорогие!!! Как я рада вас видеть! Поднимайтесь скорее ко мне, я вам всё покажу.

– Привет! Мы идём, – отозвалась я на Танин голос сверху. Водитель помог поднять чемодан на второй этаж, где нас уже ждала хозяйка квартиры. И сама квартира ждала. Она так долго ждала нас.

А я её себе так и представляла. Маленькую, как с курортной картинки. Она была вся белая: белые стены, белая плитка на полу, белая кухонька. Две комнаты. Гостиная с большим белым диваном и стеклянным столом. Окна с видом на море и стеклянные двери на балкон.

В спальне тёплый приятный паркет и большая кровать, полумрак, два окна, прикрытых жалюзи. Тихо и уютно.

Я дотронулась ладонью до белой стены, гладкой и прохладной. Любовь, сумасшествие, энергия – всё было здесь, в этих стенах. Они впитали в себя историю всех своих предыдущих гостей и теперь ждали, чем с ними поделятся я и мой маленький сын.

В нетерпении и странном волнении я вышла на балкон.

Вид на море, маленькие домики и строящиеся многоэтажки.

Удивительное зрелище. Картинка из реальной жизни. Море с островом вдали, горы, домики и черепичные крыши – всё это было прекрасно и так по-европейски сказочно, так типично для маленьких городков у моря, но эти огромные здания, свежестроенные многоэтажки... Как суровые монстры (или они казались такими только на первый взгляд?), вторгшиеся на чуждую им территорию, они возвышались надо всем, словно пытаясь достать до небес.

Исполины казались такими чужими, но при всём при этом уже были неотъемлемой частью существующей морской истории.

Их фундамент был прочно влит в местную землю. Они появились здесь как предвестники перемен. И пустили свои бетонные корни.

Многоэтажки казались нелепыми и неудобными. Красивая картинка, словно с открытки или из старого романтического фильма, к которой привыкли местные жители и постоянные обитатели здешних мест, была испорчена; разрушена история и тихая размеренная жизнь. Но это было временно.

Всему нужно было время.

Очень скоро эти здания станут такими родными, привычными и обычными, что без них уже будет никак не обойтись. И никто не вспомнит, как было до них.

Всё новое, что приходит в нашу жизнь, поначалу кажется чуждым и нелепым, не к месту, не ко времени... Но проходят дни, месяцы, годы, и мы уже представить себя не можем без того, что было таким незнакомым и непривычным, когда только появилось в нашей жизни. Мы приживаемся к этому новому, пока чужому каждой клеточкой. И иначе никак... Проходит время, и мы привыкаем, принимая новую реальную жизнь.

– Здесь было очень красиво раньше, – услышала я тихий голос Тани из-за спины. – А потом начали строить этот новомодный отель, а потом вот это здание, – она показала на огромного исполина со стеклянными балконами, загораживающего горизонт, справа перед нами. – Вся картинка нарушилась. Катя, вся! В другой моей квартире так вообще катастрофа. С балкона открывался шикарный вид, теперь его нет. Бесконечная стройка. А я ведь покупала квартиру с видом на море.

– Да, я понимаю. Перемены... – я попыталась её поддержать. – К сожалению, так происходит достаточно часто. Мы платим и рассчитываем на одно, а в итоге всё меняется и мы получаем совсем другое. Но это вовсе не значит, что так будет хуже. Не хуже, а просто по-другому.

– В этой квартире хотя бы остался вид на море, – Таня, словно не слыша меня, с тоской и какой-то печалью смотрела вдаль, где волновалась глубокая синяя вода, стихия, а ветер перемен набирал свою силу, чтобы со всей своей мощью следующей ночью обрушиться на маленький странный городок у моря.

– Всё будет хорошо, – почему-то сказала я тихо. Относила я это к себе или к Тане – я так и не поняла, но прозвучало как-то спокойно и уверенно. Как будто нас ждёт много бурь и тревог, но, когда всё это поутихнет, поуляжется, солнце засветит нам с небывалой силой.

Мы вернулись в гостиную.

– Ты отдыхай сегодня, – Таня засобиравшись домой. – Разбирай чемоданы, поужинайте с сыном, я купила вам яйца, сыр, хлеб, черешню. Завтра я зайду за вами прямо с утра, всё покажу и расскажу.

– Хорошо. Спасибо большое за всё.

– Не за что.

Мы попрощались, и я закрыла за Таней дверь.

Сначала я думала пойти куда-нибудь поужинать, но бутылка холодного белого вина, так кстати оставленная Таней в холодильнике, и огромная тарелка черешни заставили меня передумать. Да и время уже было достаточно позднее. На улице, набирая обороты, завывал ветер, вдалеке горел ярко-розовый закат.

Мелкий, похоже, смирившись с тем, что сегодня он увидит море только с балкона, сидел на полу и собирал конструктор «Лего». Он совсем не устал, привыкший к долгим перелётам и дальним путешествиям. Я потрепала его по голове. Мои золотые волосы. И направилась к своему розовому монстру – огромному чемодану, который ближайшие несколько часов мне предстояло разбирать, раскладывая нашу с мелким будущую жизнь по шкафам и полочкам.

Раньше я не любила собирать и разбирать чемоданы, мне казалось немного бытовым и рутинным это монотонное складывание и раскладывание вещей, шуршание пакетов, упаковка баночек и скляночек, всяких там кремов, таблеток и прочей необходимой в путешествиях ерунды.

Но в последние пару лет я стала замечать, что получаю от этого процесса какое-то необычное удовольствие. Как будто вместе со всеми этими вещами я разбирала и раскладывала по полочкам весь хаос в своей голове, а потом собирала его обратно и наоборот. В процессе я вспоминала истории и события, которые были связаны с каждой определённой вещью.

Например, вот эти кремово-соломенные сабо на высокой платформе я купила за год до рождения мелкого. Господи, сколько же им лет! Я помню, как ходила на работу в них, ещё беременная сыном, и в длинной струящейся синей юбке, идеальной юбке на все времена, которая тоже лежала в моём чемодане. Эта юбка и эти сабо видели столько же морей, сколько и я за последние пять лет. Получалось, что они были даже старше мелкого. Удивительная вещь, он так вырос за эти годы, а они совсем не изменились. Вот что значит любимые вещи, выбранные с душой.

Платья, сарафаны, шёлк, струящийся по рукам, и мягкий хлопок. Мои итальянские вечера, мой вьетнамский пляж, мой тайский Новый год, моя кубинская сигара, мой мексиканский закат – всё это было там, в моём большом розовом чемодане.

Ветер усиливался и завывал за окном, позвякивали створки жалюзи.

Я накормила мелкого овсянкой, которая осталась у меня в пакетике из самолёта.

Платья висели по вешалкам, всё было разложено по полочкам, мои бесчисленные баночки и пузырьки с кремами, лосьонами, духами и прочей ерундой нашли свои места в ванной, гостиной, даже на подоконнике в спальне. Кругом были разложены, расставлены, разбросаны игрушки сына. «Лего» – на полу, любимый медведь – на кровати, машинки, человечки, карандаши, книжки и раскраски. В белой квартире теперь везде была наша жизнь. Моя и мелкого. Это был наш временный дом, где всё дышало нами.

Я вышла на балкон, на улице совсем уже стемнело, и было достаточно пустынно, лишь ветер гнул деревья и гулял по крышам. Видимо, прохладная погода, вызванная сильными ветрами, налетевшими с моря внезапно и стремительно, распугала всех отдыхающих, и они прятались по съёмным апартаментам, отелям и кафе.

Я любила такую погоду. Я вообще люблю странную погоду. На море странная погода, ветры, грозы, чувствуются по-особенному. Как предвестники чего-то нового, неожиданного. На душе тревожно и радостно одновременно. Холодок в груди щекочет нервы. Вот и в тот вечер на балконе я стояла именно с таким настроением.

В нашем доме был полный порядок.

Я вернулась в гостиную, неожиданно подхватила мелкого на руки, закружила его, такого большого уже и сильного. Мне было совсем не тяжело. Двадцатикилограммовая пушинка моя.

Отнесла его в душ. Мелкий звонко визжал и смеялся под серебристыми каплями тёплой воды. В этот вечер мы, мы двое, наедине были тихо счастливы, пока я кутала его в мягкое белое полотенце, сушила золотые волосы, пуговица за пуговицей застегивала пижаму.

– Мамочка, а ветер до нас не доберётся?

– Нет, сладкий, у нас крепкие стены, и окна, и двери.

– Это хорошо, потому что мне кажется, что он совсем близко.

– Он близко, но мы в безопасности. К тому же хоть ветер и очень сильный, он совсем не злой, – я улыбнулась и поцеловала мелкого в макушку. – И хочет нам только добра.

– Как это? – мелкий недоверчиво выглянул на меня из-под одеяла.

– А вот так вот. Он несёт с собой хорошие и добрые перемены. Нас ждёт новая жизнь и светлое будущее, как в сказке. А ещё много солнца, море и развесёлое лето. Спи.

Повторять мне не пришлось. Мелкий уже мирно сопел в обнимку с медведем.

Я тихо сползла с кровати, укуталась в кофту крупной вязки, налила себе бокал вина, взяла тарелку с черешней и пошла на балкон.

Я сидела и думала о L. О нашей жизни. И много о чём ещё. Вино было нежным, с привкусом цветов, черешня добавляла ему сладости. Мне было не холодно. Спокойно и хорошо. Хотелось ещё вина. И я налила ещё. Ветер дул, и мои мысли уносились вместе с ним вдаль, вдоль черепичных крыш и по кронам деревьев, туда, в горы, где они потерялись, забылись и стали лишь приятными воспоминаниями.

3

Первое утро на море. Любого отпуска, любого отдыха, любого приезда в страну на море. Любого нового побега. Эти ни с чем не сравнимые ощущения. Здесь и нетерпение, и лёгкое возбуждение, и желание побыстрее опустить ноги в прохладную прозрачную солёную воду, выпить свой первый кофе в кафе на пляже, пройти вдоль ещё закрытых магазинов на набережной. Когда почти все лежаки ещё свободны, нет суеты, поют птицы и в воздухе так сладко пахнет летом.

Хочется бежать, лететь, плыть, смеяться. Смеяться звонко и заразительно, чтобы весь мир слышал, как вы рады и счастливы. Какой вы большой и счастливый ребёнок.

Я проснулась рано. Предчувствие особенного дня не давало спать и скользило по моей коже тоненькими лучиками света. Мелкий ещё спал.

Я не удержалась и вышла на балкон, где тут же ощутила свежесть летнего утра, и, не долго думая, проглотила её целиком.

Эту огромную мятную свежесть, прохладную, но очень нежную, словно шарик лимонного сорбета. Послевкусие осталось во рту, на кончике языка, а сама свежесть, медленно прокатившись по моему горлу, затрагивая все-все-все миллиарды триллионов рецепторов, провалилась в пустой желудок и счастьем разлилась по венам. О да, я была довольна своим решением сбежать сюда и счастлива и уже любила это место всеми гранями своего так громко стучащего сердца.

Сынуля мирно спал. Я не хотела его тревожить, хоть мне и не терпелось показать ему, как красиво в этом солнечном летнем утре. На моих глазах медленно просыпалась улица. Кошки лениво распластались на траве и асфальте, радуясь новому, такому привычному для их жизни дню.

Я заварила ромашковый чай и села с книгой на белую лавочку на балконе. Я хотела слушать и слышать тот день.

Мелкий пришлёпал босыми ногами с растрёпанными волосами и уткнулся своим сонным носом мне в плечо.

– Доброе утро, – лениво и ласково сказал он.

– Доброе утро, сладкий. Как спал?

– Хорошо, только ветер очень сильно завывал.

– Разве ты просыпался? Мне кажется, нет, – я улыбнулась. Мой сын, как и я, большой любитель преувеличивать, из страшного делать ещё страшнее, из весёлого – ещё смешнее. Проще говоря, добавлять всё больше красок во все события своей жизни.

– Нет, я не просыпался, но точно знал, – уверенно ответил он.

– Ну, раз точно знал, то, значит, скорее всего, так и было.

– Что значит «скорее всего»? Mamochka, так и было.

– Хорошо. Так и было, – я не стала спорить. – Хочешь черешни или чай с печеньем?

– Да, я очень хочу кушать.

– Тогда бегом умываться и чистить зубы. Я пока налью тебе чай.

Мелкий сам ещё плохо умывался и чистил зубы. Но с присущим ему неукротимым упорством выдавливал зубную пасту, чтобы выглядеть достаточно взрослым для звания рыцаря, супергероя и просто защитника своей непростой мамы.

А потом мы сидели и пили чай. И мелкий макал в него печенье. И говорил что-то о том, как он будет побеждать подводных монстров на море. Ему всё время нужно было с кем-то сражаться, словно именно так и только так возможно было доказать этому миру свою силу, отвагу и мужество.

Пришла Таня. Счастливая и беззаботная. Опять в белом и в стильных круглых очках в половину лица. Словно она выпрыгнула прямиком из 60-х. Она принесла с собой какую-то странную атмосферу местного жителя, этакое аборигена, который свой в этих местах, знает всё и всех и обо всём может рассказать.

– Ты завтракала? – спросила она меня.

– Ещё нет, я только попила чай.

– Отлично! Собирайтесь быстрее, я покажу тебе, где купить самую вкусную выпечку, и всё-всё расскажу и покажу. Потом выпьем кофе на набережной и пойдём на пляж.

– Насчёт пляжа, – я немного помедлила. – Таня, ты знаешь, я совсем забыла сказать тебе кое-что, я и вправду совсем забыла. И вспомнила только сейчас. Забыла с самого начала про ещё одно необычное совпадение, которые странным образом всё чаще и чаще случаются в моей жизни: у нас же тут отдыхают друзья с сыном. Как оказалось, они тут жили и в прошлом году. Папа с сыном в маленьком странном городке у моря уже пару недель и будут жить до конца лета, а мама работает в Москве, но прилетает на выходные. Ты знаешь, они всё время проводят на каком-то знаменитом местном пляже. Мы хотели бы их обязательно навестить. Если можно, то прямо сегодня. Мелкому не терпится увидеть друга.

Таня словно ненадолго задумалась и, прищурив глаза, спросила:

– Как их фамилия? Случайно, не Титовы?

– Титовы, – я подняла на неё удивлённый взгляд. Откуда Таня могла знать наших московских друзей? Хотя, по-моему, тут все друг друга знали. И, если они жили в этом маленьком странном городке у моря в прошлом году, то... – Ты их знаешь?

– Они жили в другой моей квартире прошлым летом, – Таня с несколько озадаченным видом присела на диван. – Но я даже не знала, что они приехали и в этом году.

– Ого, неожиданно! Вот это совпадение! Насколько я знаю, в этом году они нашли очень хорошее предложение по жилью, у них квартира прямо на набережной, – по Таниному лицу промелькнула тень обиды, но она продолжала улыбаться. Я поняла, что взболтнула лишнего, когда вспомнила, как Титова Катя рассказывала, что с хозяйкой прошлогодней квартиры они расстались не очень хорошо и между ними осталась какая-то недосказанность. Ох уж этот маленький мир! И земля, которая вертится. Вселенная сводит и разводит людей, дарит им опыт общения, возможность осознать, в чём те были неправы, и попросить прощения за ошибки прошлого. Все встречи, неожиданные совпадения – всё не просто так. Главное – усвоить урок, не таить обид, воспринимая негативный опыт с улыбкой на лице.

– Ну раз ты так хочешь их увидеть, то обязательно сходим к ним на пляж, – я почувствовала, как Таня пытается взять себя в руки и выглядеть как ни в чём не бывало. Я попробовала поддержать её и улыбнулась. Просто улыбнулась, чтобы она поняла, что несмотря ни на что, любую обиду можно преодолеть простым дружеским участием. – Мне кажется, я понимаю, о каком пляже ты говоришь. Он находится рядом с основным городским пляжем, своя территория, с баром в два этажа и понтоном, уходящим в море. Там пафосно и жарко. И никогда нет свободных лежаков, – Таня на секунду задумалась и, потихоньку улыбаясь и оттаивая, продолжила. – Хотя для меня найдут парочку. Заодно посмотришь, где тебе больше понравится, – она как-то хитро подмигнула и положила в рот большую спелую черешню.

Мы быстро собрались и вышли на улицу. Солнце, несмотря на ранний час, уже припекло, но за счёт ветра, который продолжал дуть, хоть и не так сильно, как вчера или минувшей ночью, жары не чувствовалось. Таня рассказывала про дома, магазины, показала мне, где рынок, больница, аптека, а вон там – маленькая пекарня.

Повсюду разносился аромат свежее испечённого хлеба. Мы зашли в стеклянные двери маленькой торговой лавочки с большими витринами. Внутри было много народу, и тут же воз-

никло ощущение из детства. Что-то такое нежное и абсолютно тёплое, родное, советское какое-то. Как будто я у бабушки в Самаре, и мы стоим в очереди за горячим свежим хлебом. Тёплые мягкие булки, большие круглые, квадратные кирпичики... Иногда, забредая в свои воспоминания, окунаешься в какое-то особенное, спокойное и беззаботное счастье. А когда вновь вынырываешь в настоящее, понимаешь, как прекрасна всё-таки жизнь. Была, есть и будет. Как много всего волшебного позади, а сколько ещё впереди. Познать, увидеть, надкусить, облизнуть, почувствовать, вдохнуть и выдохнуть...

– Ты просто обязана попробовать вот эту слоёную булочку с солёным сыром, – Таня картинно закатила глаза, указывая на пышущую жаром слойку в витрине. – Она просто божественна! Ничего лучше на завтрак не придумаешь! А если взять ещё и кофе к ней... М-м-м. Оргазм. Просто гастрономический оргазм.

– Уговорила, – я засмеялась, доверившись её искренним восторгам. – Беру! Мелкий, а ты что будешь?

– Вот это вот, – он показал пальцем на огромный круассан за стеклянной витриной. – С шоколадом.

– В принципе, я могла бы не спрашивать. Мелкий всегда всё берёт с шоколадом.

– Настоящий мужчина, – Таня улыбнулась. – Всегда точно знает, чего он на самом деле хочет.

Незабываемые ощущения – идти по прогретой летним южным солнцем улице навстречу морю и отрывать куски большой слоёной булочки с солёным сыром.

Ты вне условностей, счастливая, не боишься поправиться, не боишься, что о тебе подумают. Ты смотришь на людей и улыбаешься. И они невольно улыбаются в ответ. Ты наслаждаешься едой и моментом. Сыр нежно тает во рту. Ты чувствуешь его на кончике языка, потом всё сильнее и сильнее. Как будто он суть природы этого маленького странного городка. Солёный и нежный. Горячий и мягкий.

Морская соль на губах, в волосах, везде.

Мы спустились к набережной. В многочисленных кафе за столиками сидели люди. С маленькими, большими, круглыми, длинными, овальными чашками кофе. Кофейный рай. Капучино, эспresso, латте. Аромат кофе, вкус кофе, настоящая кофейная магия.

Маленький странный городок у моря с тех пор и навсегда больше всего ассоциируется у меня с морем и кофе. Как две основные его составляющие: морская соль и аромат кофейных зёрен.

Возле лотков с мороженым кружились осы. Мелкий выбрал яблочное с кусочками яблок, нежно-зелёного цвета. Мы взяли по чашке капучино и присели за маленький круглый столик. Чашки звякнули о стеклянную поверхность точно хрустальные колокольчики. Время наслаждений, время расслаблений, моменты маленького человеческого счастья. Умение ценить каждую секунду происходящего, любить свою жизнь, любить всё вокруг.

Когда мы уезжаем на море, мелкий всегда питается неправильно. Или, наоборот, правильно. Здесь же всё относительно. И не знаешь, как лучше. Так легко ошибиться. Что хорошо в одном месте, может быть совершенно плохо в другом.

На море мы всегда едим местную выпечку, особенно с шоколадом, пиццу и мороженое. В особенной атмосфере волшебным образом не просто не поправляешься, а, как правило, всегда худеешь. Возможно, потому что живёшь в своё удовольствие и дышишь свежим воздухом, отдаёшься природе и существуешь в гармонии с собой.

Мы сидели в тени больших деревьев, и Таня рассказывала мне про местные кафе, где вкусно, а где не очень, какие открыты круглый год, даже не в сезон, где хорошо готовят рыбу и

рыба всегда свежая, а в каком очень вкусные и сочные стейки и есть телефон хозяина, которому можно в любое время позвонить и заказать что-то на вынос или заблаговременно.

Я слушала её как-то наполовину, я растворялась в местном воздухе и дышала морем, наблюдая, как мелкий в нетерпении, весь перемазавшись зелёным мороженым, лазит по парапету на набережной. Ему хотелось быстрее в прохладную воду. Мне тоже. Но сначала нужно было всё узнать, всем проникнуться. Окончательно пропитаться этим воздухом, чтобы зеркальные кристаллы морской соли не ранили слишком сильно непривычное к соприкосновению с природой, со стихией тело и душу.

В то лето в маленьком странном городке у моря и в окрестностях было очень много ос. Не то чтобы я их сильно боялась. Я старалась не придавать этому значения. И вообще пыталась обходить свои страхи стороной.

Но была в моей жизни пара неприятных случаев, связанных с осами. И в то утро они вспомнились и ожили в памяти, словно это было вчера.

Когда я была совсем маленькая, одним жарким летним солнечным утром, когда небо голубое, хочется мороженого, заплести косы и гулять по паркам, мы с бабушкой поехали на дачу к её сестре. Я была там всего один раз. Но и этого хватило, чтобы запомнить тот день навсегда. Дело было под Самарой. Дача была далеко, и мы долго ехали на электричке. Я тогда любила эти пузатые большеглазые электрички. И мне всегда нравились маленькие путешествия из одного мира в другой, из одной реальности в другую. Когда ты рано-рано утром выезжаешь из шумного просыпающегося города, колёса стучат, люди входят и выходят, хлопают двери, а ты сидишь на деревянной лавочке у окна и наблюдаешь, как городской пейзаж постепенно сменяется сначала дачными посёлками с маленькими домиками, затем полями и лесами. И они мелькают за окном, и ты мечтаешь о том, каким будет твоё будущее. Будущее лето. Будущая жизнь. А всё в конечном итоге будет совершенно другим. Потому что будущему свойственно быть неожиданным и удивлять тебя из раза в раз. Но ты из-за этого совсем не расстроишься, потому что всё равно всё, о чём ты когда-то мечтал, останется лишь в закоулках и туманах твоей памяти. А будущее обязательно удивит своим волшебством.

Мы приехали в маленький квадратный зелёный домик. Все дачные домики тогда были похожи один на другой. Небольшой огород, много ягод, яблони, вишни и зелень, зелень. Кругом всё летало, жужжало, пело. Летняя песня средней полосы России. Сладкий мёд и атмосфера жарких дней.

Бабушки весело галдели и перебирали уже поспевшую клубнику, а я лазила в зарослях крыжовника в поисках чего-нибудь интересного. Но, естественно, каким-то странным образом, хотя такое не могло не случиться именно со мной, мне показалось, что что-то интересное обязательно должно было прятаться на самом чердаке зелёного домика.

Ох уж эта моя странная привычка забраться куда-нибудь повыше, например, под самую-самую крышу. Ведь там наверняка, непременно, абсолютно точно интереснее и таинственнее всего.

Но стоило мне, приручив длинную деревянную лестницу, вскарабкаться наверх, как сразу, у входа на тёмный и совсем не дружелюбный чердак, меня, незваную гостью, встретил огромный осиный улей. На то время я ещё не имела опыта общения с осами, поэтому вела себя излишне смело и неосторожно. Вторгшись на чужую территорию, я тут же предъявила на неё свои права.

Эмоционально активная, абсолютно бесстрашная и уверенная в себе маленькая Катя получила по заслугам. Одна из ос ужалила меня тогда прямо в лоб.

Боль была дикая, и я моментально сбежала вниз, сдавая все свои позиции. Без шансов на реванш.

Слава Богу, аллергической реакции не было, только огромная шишка и лёгкий болевой шок. Бабули запричитали надо мной, прикладывая на мой лоб то мокрые полотенца, то какие-то примочки. Голова потом долго болела. Это был неплохой урок жизни. С тех пор я знала, как себя вести, если вторгаешься на чужую территорию. Нужно быть осторожнее и деликатнее, продумывая каждый свой шаг и уважая чужие законы.

Второй случай произошёл в моей жизни много лет спустя.

Офис строительной компании, в которой я работала, находился в бытовом городке близ строящегося объекта. Именно там, высоко-высоко под крышей, осы обустроили свой улей. И, как бы комично это ни звучало, на этот раз именно они вторглись на чужую территорию. Странно было, как осы вообще попали в это место. Вокруг бытового городка – лишь промышленная зона. Несколько больших заводов и стройки, автомобильный сервис. Никакой зелени в радиусе пары километров. У меня вообще порой и физически, и эмоционально возникало ощущение, что я работаю в центре воронки после ядерного взрыва.

А тут вдруг осы. Что они там делали? Абсурд? Чудеса природы?

Я лишь разговаривала по телефону и наслаждалась солнечными лучами уходящего лета. И в какой-то момент просто почувствовала, что что-то щекочет моё ухо. Секунда, моё прикосновение на уровне инстинкта, укол жалом в самую мочку. Это была оса.

Слава Богу, на этот раз всё тоже обошлось без печальных последствий. Ухо сильно болело. Очередной урок был усвоен. Даже находясь на своей территории, нужно быть всегда начеку, чутким и внимательным к тому, что окружает, чтобы случайно не ранить кого-то и не страдать от боли в ответ.

Осы определённо «любили» меня.

И в маленьком странном городке у моря их было огромное количество. Я поняла, это была их территория. Значит, нужно было быть очень аккуратной, следить за каждым своим шагом и движением...

Допив кофе, мы отправились на пляж.

В каждом городке у моря на каждом пляже есть обособленный контингент отдыхающих. Это люди, которые приезжают каждый сезон, из года в год, из лета в лето. Они всеми семьями приходят именно на этот пляж, словно он их собственный, родной и привычный. Своего рода приют, колыбель их особенных летних историй. Они считают себя чуть ли не аборигенами, и справедливости ради стоит отметить, что далеко не безосновательно. Ведь каждый сезон это место по-своему принадлежит им. На их пляже проходит их летняя жизнь, растут и крепнут от морского воздуха их дети. Они знают персонал по именам, знают наизусть меню местного кафе. Весь их досуг, все их завтраки и обеды, за редким исключением слишком жарких или слишком прохладных дней, когда они остаются дома, проходят именно здесь.

Пафосный пляж не был исключением.

Ряды белых шезлонгов с синими зонтиками. Бар на первом этаже и огромная веранда с прекрасным видом на море на втором. Пирс, уходящий далеко в море, и маленькая лагуна с изумрудной водой, где с удовольствием резвились и играли дети. Всё это было словно своим отдельным миром, обособленной вселенной в маленьком странном городке у моря. Атмосфера этого места несколько отталкивала своей неприступностью. С первого взгляда было видно, что здесь не особенно любили чужаков, новеньких. Тех, от кого не известно, чего ждать. Таких, как я и мой сын.

Постепенно привыкая к этому месту и становясь «своим», ты меняешь о нём своё мнение, но странный осадок остаётся. И иногда, совсем редко, мешает наслаждаться происходящим вокруг.

Несмотря на непрекращающийся сильный ветер, на пляже было очень жарко. И единственное, чего хотелось, – это побыстрее забраться в воду.

Мы быстро нашли семью Титовых. Их и нельзя было не заметить. Катины огненно-рыжие длинные густые волосы были видны издалека.

Она прекрасна той особенной красотой, которой красивы только рыжеволосые женщины. Сильная, уверенная в себе, не знающая преград на своём пути. Такие, как она, никогда не устают. Даже если они говорят, что устали, не верьте им. Стоит такой женщине начать отдыхать, как она тут же понимает, что ей безумно не хватает её постоянной деятельности, этого непрерывного стресса, состояния, в котором каждую секунду приходится принимать решения и искать выход из ситуации.

Её муж Игорь – типичный самарский мужчина. Даже внешне очень похож на моего отца. Интересный собеседник с хорошим чувством юмора, который всегда смеётся от души, от чего у него добрые морщинки в уголках глаз, как и у меня, как и у моего отца и мамы.

Маленький Миша чуть больше чем на год старше моего сына. По нему очень заметно, что его родители сильно стараются, чтобы у него всё было хорошо. Он спортивный, активный, хорошо говорит по-английски для своих лет. Всегда знает, чего хочет и сам определяет рамки общения. И это в свои-то годы.

Мы познакомились с семьёй Титовых в Азии, когда ещё были вместе с L.

Я помню, как мне понравилась Катя, когда я её увидела на пляже в гидрокостюме. Особенно её огненно-рыжие волосы на закате. Незабываемое зрелище. Ундина. Женщина-сила. Женщина-огонь.

Женская красота для меня – вообще отдельная тема. Я люблю изучать по-особенному красивых женщин. Они всегда обладают какой-то своей магией. У таких женщин, как правило, абсолютно нестандартное мышление и свой индивидуальный взгляд на жизнь, который ничем невозможно изменить.

А вот такие мужчины, в свою очередь, ещё большая редкость. И если вдруг такой повстречается на вашем пути, надо держать его обеими руками, пытаться не упустить, хотя это очень сложно, и изучать, изучать. У них огромный жизненный опыт, духовная мудрость. Они – источник энергии, знаний и своего рода стимул к новым свершениям на долгие годы вперёд.

Мы познакомились в красивом тайском отеле, расположенном в заповеднике, вдали от разгульной жизни, типичной для этой страны и для острова Пхукет в целом. Познакомились и сразу подружились. Возможно, потому что у нас дети примерно одного возраста. Или потому, что две наши семьи смотрелись как-то нетипично среди местных отдыхающих, как будто выбиваясь из общей массы. Мы не лежали с коктейлями у бассейна, старались как можно больше времени проводить у моря, на пляже, ловя огромные волны, строя замки из песка и распуская маленьких крабиков. Мы рано ложились спать и имели общие взгляды на вопросы воспитания и времяпровождения детей. Мы соблюдали определённую субординацию, учитывая интересы и желания друг друга. У каждого из нас был неплохой жизненный опыт за плечами, как в бытовых вопросах, так и в профессиональной сфере. И, в принципе, нам и нашим детям было просто хорошо вместе.

Тогда, под шумные фейерверки, закусывая отличное французское шампанское королевским крабом и роллами с тунцом, мы вместе встретили Новый год.

И по возвращении в Москву наше общение не прекратилось. Мы встречались на детских праздниках и просто устраивали посиделки по выходным. Всегда очень спокойно, в рамках заданной ещё в Таиланде манеры общения.

Ах, как же я люблю находить особенных людей в путешествиях!

Моя другая жизнь. Прошлая жизнь. Параллельная реальность, на которую я смотрела в тот день на пафосном пляже как сквозь непробиваемое стекло. Я не могла туда попасть уже больше никогда, даже если бы очень захотела. Это было то самое невозможное, которое действительно невозможно, и я осознавала это полностью. И давно это приняла.

– Привет! Как же я рада вас видеть! – я была искренне рада, всем сердцем, как всегда бывает рад человек, увидев близкую и родную душу в непривычной и чуждой ему атмосфере.

Таня тоже радостно улыбалась. Катя, которая пила кофе из белой чашки и просматривала почту в телефоне, отложила все дела, чтобы обнять нас с мелким. Поприветствовали мы друг друга хорошо и очень тепло. Я почувствовала, что нас действительно очень ждали. И это несмотря на лёгкую, но достаточно ощутимую прохладу в общении между прошлогодними арендаторами и арендодателем.

Игорь, как оказалось, весьма любезно забронировал для нас лежаки рядом с их постоянными местами. И нам оставалось только отдыхать и наслаждаться общением весь день напролёт.

И я смотрела только на море. Я хотела в воду. Я хотела стеклянных брызг, а все вокруг утверждали, что из-за сильного ветра и течений вода действительно ледяная! Катастрофически ледяная! И мне хотелось в неё! Прямо с головой. Каждым миллиметром ощутить укол солёных капель на своей коже.

Мелкий, который уже пообщался с Мишей и выяснил для себя, что ему срочно нужен «точно такой же пистолет с красной лампочкой», нетерпеливо звал плавать.

И несмотря на то, что в этот жаркий июльский день в воду рисковали зайти лишь единицы, я передела сына в гидрокостюм. Катя с Игорем и Мишей поддержали нас. Это была своего рода солидарность и гостеприимство вместе взятые. Плюс ко всему Катя прилетала всего на пару дней в неделю и перед отлётом ей тоже не терпелось насладиться морем, которое спасало и лечило, избавляя от забот и тревог, накопленных в будничной Москве.

Взявшись за руки, мы вместе пошли к воде, чтобы ступить ногами на камни, прямо в соль, в самую солёную глубину.

Море действительно обожгло невероятным холодом. К этому невозможно было привыкнуть. Невозможно привыкнуть??? Если любишь, любишь море так, как люблю его я, постепенно привыкаешь к холоду, понимая, что он не навсегда. Пройдёт парочка-другая дней, и новые течения принесут тепло в местные воды. И то, что казалось таким леденяще-неприступным, будет тёплым и нежным, как парное молоко. Нужно только подождать. Время. Нам всем нужно было время.

Я вошла в эту ледяную, кристально чистую воду, сверкающую всеми оттенками бирюзы, и отдалась ей. Сначала действительно очень сильно обожгло, но, секунды спустя, холод уже не чувствовался. Он странным теплом разливался по моей коже. Это было так нереально и так внутренне красиво, что я рискнула и поплыла до буйков. Люди смотрели на меня как на сумасшедшую. Ведь я была не такая, как все. Я была другая. Я не боялась, что заболела или мне сведёт судорогой ногу. Я просто знала, что всё будет хорошо. Хочу оставить, как было. Это про меня. А люди смотрели и удивлялись. Как же мы любим вешать ярлыки на тех, кто поступает вразрез с общепринятым мнением, кто мыслит не так, как все, поступает не так, как все, и чувствует иначе.

При всём при этом я вовсе не считала себя особенной и не пыталась как-то выделиться, тем самым привлекая к себе внимание. Я просто не боялась быть самой собой. По крайней мере, училась не бояться. Я просто жила, любила море и наслаждалась им.

Мелкий же, в отличие от меня, успел лишь пару раз окунуться и проплыть несколько метров. Я сразу отправила его на берег. Можно быть сумасшедшей во всём, но только не в вопросах, касающихся здоровья и безопасности детей. Есть вещи, где даже банальному хулиганскому безумию совершенно нет места.

То, во что мы верим, не должно отражаться на тех, кого мы любим. По крайней мере, оказывать какое бы то ни было негативное влияние.

Мелкий был обижен на такую несправедливость, но пара шариков шоколадного мороженого вкупе с обещанием, что через день-другой он сможет плескаться в неограниченных количествах, в какой-то степени позволили сгладить ситуацию и поднять его настроение до тех пределов, когда, в принципе, уже всё равно и можно пойти играть с новыми друзьями, отдавшись поискам незабываемых приключений.

После необычного купания мы все чувствовали себя несколько иначе. Словно немного очистились, посвежели и набрались сил.

Я сидела на лежаке и куталась в махровое полотенце. Солнце радостно согревало мою кожу, и капельки морской воды высыхали одна за другой, быстро-быстро, оставляя солёные разводы.

Катя удобно устроилась на лежаке, распустив свои шикарные волосы и мечтательно раскинув руки.

В тот момент каждый из нас был по-своему счастлив.

Время близилось к обеду, и, следуя примеру большинства местных отдыхающих, мы заказали кофе, мороженое и сахарный арбуз.

Я заметила, как все общались друг с другом так, будто добрые соседи, давние друзья уже много-много лет. Абсолютно разновозрастной контингент. Бабушки и дедушки, мамы и папы и, естественно, огромное количество детей. От самых маленьких до красивых и вдыхающих жизнь полной грудью подростков. Свой отдельный мир.

– Здесь все свои, одни и те же, из года в год, – произнесла Таня, делая глоток капучино. – У людей здесь вырастают дети. Мы все знаем друг друга.

– Я заметила. Кажется, это очень удобно, – я улыбалась, стараясь казаться беззаботной, отгоняя осу от куска арбуза. Сколько же там было ос! И мне всё казалось, что каждая из них так и норовит залететь мне в рот. – Приезжаешь, и не нужно искать компанию. Вся компания на месте.

– С другой стороны, все всё про тебя знают. Что тоже не сулит ничего хорошего, – Таня хитро ухмыльнулась. – Хотя если тебе плевать на мнение окружающих и ты не обращаешь внимания на то, что говорят за твоей спиной, то ты права.

– Или, как вариант, если тебе нравится, чтобы говорили за твоей спиной, тогда такая ситуация даже на руку. Все знают всё и даже больше, а тебе и напрягаться не надо. Знай, получай удовольствие и продолжай привлекать к себе внимание посредством очередных нестандартных выходок и поступков, – мы громко рассмеялись, а потом Таня продолжила заговорщицким голосом, почти шёпотом:

– Катюша, ты знаешь, я была на этом пляже со столькими мужчинами, что наверняка большинство местных считают меня шлюхой.

И мы опять засмеялись.

– Обществу вообще свойственно сразу вешать ярлыки, куда же без этого, – мне нравился философский лад, на который я была настроена, и мне нравилась Таня. Она была не такой, как все, хотя бы потому, что принимала себя такой, как есть. – Например, одинокая женщина, которая самодостаточна и любит мужчин, непременно сразу становится шлюхой. Или если ты оставила счастливую семейную жизнь просто потому, что понимала, что больше не можешь так жить, задыхаешься во всём этом, то ты сумасшедшая или дура.

Сильный порыв ветра повалил несколько зонтиков на землю. Персонал пляжа забегал среди лежаков в попытках удержать или закрепить остальные зонты. Я посмотрела в морскую даль, туда, откуда дул ветер.

– Таня, мы должны жить так, как мы хотим. Если мы не нарушаем чужих границ, а люди продолжают обсуждать и осуждать, это уж точно не наши проблемы.

– Ты права, – Таня тихо улыбнулась. – Совсем не наши. Поэтому живи как тебе нравится и не обращай внимания на чужих тараканов.

– Я люблю чужих тараканов, – продолжая смотреть вдаль, я задумалась и мечтательно улыбнулась. – Они дают неплохие идеи для моих историй.

– Каких таких историй? – Таня оторвалась от арбуза и подняла на меня заинтересованный взгляд.

– Я не говорила? – как бы между прочим удивилась я, разыскивая глазами мелкого, который носился между лежаков, вызывая недовольство администрации пафосного пляжа и официантов. Меня это даже немного забавляло. Я считаю, что дети никогда не могут быть помехой. Особенно на море, в своей сумасшедшей стихии. Дети – это дети. И, создавая определённые места наподобие этого пляжного пространства, в первую очередь нужно думать и заботиться именно о них.

– Нет, не говорила, – Таня прервала мои раздумья насчёт организации детского досуга. – Так что за истории?

– Я иногда пишу. Давно уже. Пишу о людях, о путешествиях, о странах, в которых мне довелось побывать, о своих эмоциях. Получается по-разному, – я задумалась, разглядывая пчелу на куске арбуза. – Ты знаешь, я даже никогда не думала, чтобы где-то публиковаться, но всегда мечтала написать красивую книгу. Книгу, где много моря и человеческой души.

– Как интересно... Может, тебе написать про эту замечательную страну? – Таня участливо положила свою ладонь на мою и заговорщически, заодно играя морщинками в уголках глаз, как умела только она, улыбнулась. – Тут много скелетов и шкафов. Если ты понимаешь, о чём я.

Я понимала. И уже понемногу думала об этом.

День был наполнен общением, смехом, мороженым, осами и сильным ветром с моря. При очередном порыве работники пляжа и отдыхающие пытались удержать зонты, чтобы те не улетели. Под жарким солнцем лёд между моими друзьями постепенно таял, прошлогодние обиды забывались, дети играли и смеялись. Эти картинки лета были прекрасны и незабываемы, как и всё то, что приносит нам волшебные эмоции.

Ближе к вечеру Таня вспомнила, что забронировала столик в ресторане, где, по её словам, нереально вкусные блюда из морепродуктов, потрясающие сасими и фруктовые македонские вина, которые больше нигде не купить и не попробовать.

Она пригласила нас всех – и меня с мелким, и семейство Титовых. Стол был забронирован на 8 вечера. Ехать было совсем недалеко, около 15 минут.

Но после того, как прозвучало приглашение, наступило неловкое молчание. По лицам моих друзей было видно, что лёд, может быть, и таял, но до конца растаять так и не смог. Видимо, слишком велика была старая прошлогодняя обида. Или просто каждый хотел чего-то своего от этого ветреного летнего вечера.

Катя, привычная к ситуациям такого рода, когда нужно делать так, как хочется, но при этом соблюсти дипломатический нейтралитет и никого не обидеть, произнесла:

– Мы бы с удовольствием, но у нас своего рода режим, хотя мы и на отдыхе. Миша рано ложится спать. Боюсь, что мы не сможем составить вам компанию.

– Что ж, – я не могла не заметить, что Таня тоже вздохнула с облегчением. – Очень жаль, но вы обязательно должны посетить этот ресторан. Сколько я здесь живу, это одно из лучших мест на моей памяти.

– Обязательно! Мы съездим туда все вместе, – Катя сдержанно, но очень мило улыбнулась.

– А мы с мелким сегодня всё изведем и поделимся опытом, – попыталась разрядить обстановку я.

Пляж потихоньку пустел. Обслуживающий персонал убирал столики и расставлял по местам шезлонги, которые за время дневной суеты перемещались в хаотичном порядке. Зонты аккуратно складывались в ожидании следующего, как все надеялись, безветренного дня.

Какое же это красивое время, когда день переходит в вечер. Эти мягкие краски, когда получаются самые прекрасные фото, самые зефирные картинки жизни. Уставшие от жары люди собирают все свои пляжные вещи: полотенца, крема от загара, ароматные масла для загара, детские игрушки, надувные матрасы и круги – и неторопливо расходятся кто куда.

Кого – то ждёт чистый, прибранный горничной прохладный номер и ванная с баночками и скляночками одноразовых гелей для душа и шампуней. Кто-то зайдёт на рынок по дороге и купит арбуз, а в апартаментах уже маринуется купленная с утра свежая рыба. Кто-то будет собираться, чтобы пойти в ресторан на набережную. Кто-то съест пресный однотипный ужин в отеле, а кто-то приготовит барбекю у себя во дворе или на пляже.

Жизнь на море – это особенная история, в которой всё лениво и беззаботно, где каждый выбирает тот ритм развития событий, который ему больше нравится, который позволяет забыть о той жизни, которую он оставил дома.

Они называют это реальной жизнью. То, что осталось далеко-далеко. То есть их реальная жизнь – это работа, быт, вереница праздников, дней рождений, длинных будней и коротких выходных, где нельзя позволить себе лишнего.

На море они играют роль свободных людей, которые делают что хотят, позволяя себе то, что в их реальной жизни недоступно, закрыто, надёжно защищено рамками социума, условностями и их же фальшивыми идеалами.

Я никогда не делю свои жизни на ту или иную, где бы я ни находилась, куда бы ни сбежала. Все мои жизни реальные, потому что всё в них взаимосвязано. Желания, мечты, поступки, знакомства, эмоции. Всё одно. Всегда реально. Я всегда одинаковая. Везде настоящая я, куда бы я ни бежала.

Ветер не стихал.

Я надела длинную синюю юбку, ту самую, которая была моей волшебной спутницей уже много лет, и белую в тёмно-синюю полоску хлопковую майку. Сначала думала обуть сабо, но не решилась. Мне показалось, что из-за ветра на улице будет прохладно под вечер, поэтому остановила выбор на белых с нежно-розовой полоской кедах Valentino.

Мелкого одеть было сложнее. В силу возраста ему достаточно сложно было объяснить, что нужно именно так, а не иначе. Он не любил наряжаться. Но это был особенный вечер, особенное приглашение и особенный ресторан. Поэтому мелкому пришлось надеть на себя то, что хотела именно я: лёгкие тёмно-синие брючки, поло и джинсовые кеды.

В ожидании Тани мы стояли и смотрелись в огромное зеркало на стене.

Белобрысая мама, белобрысый сын. И в одежде мы так гармонировали друг с другом. Такая идеальная курортная парочка.

Сильный ветер беспокойно дул в окна.

«Надо взять с собой ветровки», – подумала я.

Когда мы с мелким спустились вниз, я заметила худого загорелого мужчину лет 50, в очках в тонкой оправе на маленькой веранде на первом этаже. Я его до этого здесь не видела. И наше появление тоже не осталось для него незамеченным. Затягиваясь самокруткой, он внимательно изучил нас с мелким оценивающим взглядом, после чего уставился в свой телефон, словно ему не было до нас никакого дела.

Но было понятно, что мы его заинтересовали. Причём очень. Местным жителям, постоянным обитателям маленьких странных городков у моря всегда интересны новые персонажи в их пространстве. А мы с мелким были не просто новыми персонажами. Мы бежали, мы искали перемен и несли эти перемены с собой.

И сильный ветер, который дул с моря со дня нашего приезда не переставая, был тому подтверждением.

– Это хорошо, что вы взяли с собой ветровки, – Таня повернулась к нам с мелким с переднего пассажирского сиденья с широкой улыбкой на губах. Счастливая женщина, укутанная в воздушный розовый шарф, в предвкушении хорошего ужина и приятного общения. – Мы будем сидеть на открытой веранде. Несмотря на ветер, я подумала, что было бы очень глупо с нашей стороны заказывать стол в душном помещении в такой прекрасный летний вечер.

– Полностью с тобой согласна, – поддержала её я. – Не думаю, что мы замёрзнем. Всё-таки сейчас лето, – и я расплылась в широкой улыбке, вспомнив лишь на секунду, что сейчас ещё только середина июля и огромный кусок солнца, тепла и нашего беззаботного времяпровождения ещё где-то впереди. Лето будет и завтра, и послезавтра, и даже через месяц. И прямо, и за углом ещё долго-долго везде будут летать ласточки, лодки качаться на воде, а дети возиться в песке. – Танюш, а давай завтра сходим на какой-нибудь другой пляж, – почему-то решила я.

– Завтра я вам покажу очень красивый пляж. Он в очень живописной бухте. Там даже дышится легче. Вам понравится.

– Куда уж легче, – улыбаясь, ответила я. – После московского воздуха здесь так дышится, что, мне кажется, я уже на 90 % состою из кислорода, а с сегодняшнего дня ещё и из солёной воды. Я вся солёная-солёная, и каждая моя пора наполнена кислородом, – я засмеялась.

– Ты мечтательница, – Таня произнесла это так лирично и возвышенно, что где-то в глубине моей груди стало совсем тепло, как будто солнце грело именно туда, в самую сокровенную мою суть. Да, я взрослая мечтательница. Такая маленькая, такая большая. Вечно где-то в облаках. Далеко и близко.

– Мамошка, как красиво! – мелкий выдернул меня из моего ванильно-розового облака. – Посмотри, какие корабли!!! – он показал на воду далеко внизу. – Мы поплывём на корабле?

– Конечно, поплывём, – почему-то я была уверена, что это обязательно случится. И очень скоро. Пусть даже и не в самом ближайшем будущем.

Я любила яхты, корабли, лодки. На воде мне всегда было как-то уверенно и спокойно, как будто я на своём месте, в своей стихии. Меня никогда не укачивало. Наоборот, мне нравились морские волны. Порой мне казалось, что вода даёт мне ещё больше уверенности в себе, чем суша и твёрдая почва под ногами.

Когда я была совсем маленькой, мы с родителями жили в таком же маленьком городке, только не у моря, а на Волге. Каждые выходные, как только начинался летний сезон, а для моего отца он начинался в первых числах пахнущего цветущими деревьями мая, мы переплывали на пароме или речном трамвайчике за Волгу на острова, туда, где глушь и носятся стрекозы, а по ночам одолевают комары. Туда, где можно спрятаться в осоке от слепней и не высовывать носу, пока мама не позовёт есть свежую уху. Где палатки, рюкзаки, котелки, а если повезёт, то и папина гитара.

Я помню, как в один жаркий летний вечер по дороге на паром мы застряли в стареньком лифте нашей панельной малосемейки и опоздали на последний рейс. Мама на радостях хотела вернуться домой, чтобы провести выходные в уютной квартире, отсыпаясь после рабочих будней на удобной кровати, а не в спальном мешке на холодной земле. Но мой отец, авантюрист по натуре, не сдавался. Он нашёл какого-то подвыпившего рыбака, который за сущие копейки согласился на своей лодке перевезти нас на другой берег Волги. На самом деле путешествие это было достаточно опасным. Волга в том месте широкая, время было позднее, и над водой вдали уже зажглись огни, стемнело, и противоположный берег почти не было видно.

Я помню свои длинные русые волосы и промокшие ноги. Мне не было страшно, только холодно. Я всегда знала, что в воде со мной никогда ничего не случится.

Я была очень счастлива тогда, когда забралась в палатке поближе к маме под одеяло и мои ноги наконец-то согрелись. Мама пахла как детское молочко и была тёплой-тёплой, нежной и маленькой, а где-то совсем рядом назойливо пели свои песни комары.

Мне не было страшно, но было очень холодно и 15 лет спустя, когда в жуткую грозу я переплывала Волжский фарватер на маленькой моторке. В тот день мы с Л задержались на островах до последнего, увлёкшись рыбалкой на спиннинг. Мы вытащили достаточно крупного щурёнка и, естественно, нас охватил азарт. Опомнились мы только тогда, когда огромные капли июльской грозы хлестали голые руки и ноги. В середине дня было темно как ночью, и гигантские, совсем не речные волны на середине реки несколько раз разворачивали нас обратно к островам.

Мы были очень счастливы в тот вечер, зажарив нашего щурёнка на костре. Мы видели лисёнка по дороге домой, все замёрзшие и продрогшие, а потом пили дешёвое красное вино и смотрели на тлеющие угли. Это была романтика. Красивая жизнь беззаботных людей.

И в Самаре, где я по обыкновению проводила все свои каникулы, практически жила с рождения, мы тоже постоянно плавали на острова. Волга была моей жизнью.

А море я увидела только в сознательном возрасте. В том же возрасте, когда встретила свою первую любовь. Увидела – и полюбила его навсегда.

И сейчас, спустя 17 лет, эта первая любовь к мужчине переросла в другое, более глубокое и осознанное чувство, я смотрела на море и понимала, что любовь к морю осталась прежней. Именно той любовью, какой она была с самого начала. Сильной и зовущей. Манящей, накрывающей с головой. И я хочу, чтобы мой маленький белобрысый мальчик полюбил море так же, как и я. Всей душой, каждой клеточкой. Чтобы он слышал его песню. Его зов. Чтобы плавал как рыбка. Чтобы любил корабли и лодки, и большие паруса, и маленькие, и рыбалку, и морские закаты, и рассветы. Чтобы он никогда ничего не боялся. Потому что в воде с нами ничего плохого не случится.

– Мы почти приехали. Я так хочу есть, – Таня показала на поворот, где дорога уходила вниз к морю, прямо в узкие улочки очередного маленького городка у моря.

– Я тоже, – я почувствовала, как рот наполняется слюной в предвкушении ужина. Свежие морепродукты, особенно сасими из тунца, были моей слабостью. В Москве не во всяком месте рискнёшь есть сырую рыбу, а если и рискнёшь, то стоит она нереальных денег, да и вкус не тот, и атмосфера. Сырая морская рыба требует солёного морского воздуха. И в тот вечер мне предстояло в полной мере насладиться и тем, и другим.

Таня пригласила нашего водителя поужинать вместе с нами. Мне показалось, что он не совсем хорошо говорил по-русски, но высокий седой мужчина с мягкими руками, который понравился мне ещё при встрече в аэропорту, очень умело делал вид, что понимал весь разговор до последнего слова. Это выглядело несколько забавно. Таня ему что-то рассказывала, а он, соглашаясь, кивал. Но взгляд его был абсолютно пустым, как взгляд ребёнка, который только-только учится говорить и понимать окружающий мир.

В ресторане на улице висели лампочки, они качались на ветру. Как белые лодки качались на тёмной воде в том летнем вечере, плавно переходящем в ночь. Люди вокруг непринуждённо общались, смеялись, звенели бокалы. И пахло морем. На горизонте синели горы и огни других городов.

Каждый летний вечер по-своему наполнен магией. И справа, и слева всё было как в эпизодах старой французской комедии. Даже краски были как в кино. Хотелось взять фотоаппарат и не выпускать его из рук ни секунды. Раз момент, два момент. С тех пор, как я начала фотографировать, я не могла остановиться, если случайно наталкивалась на красивую историю. Я как будто снимала кино. Кино в картинках, выловленных моментах. Непридуманная жизнь.

Вино действительно оказалось отличным, нежным с фруктово-цветочным послевкусием. Оно медленно текло по венам, создавая иллюзию праздника, беззаботности и беспечности.

Я уже почти не думала о том, что оставила позади в тот момент, когда садилась на самолёт. Мне не было грустно. Спокойно и хорошо. Мосты были почти сожжены, где-то остались только угли, которые ещё тлели, а грязно-серый пепел сомнений, ожиданий, боли и былых обид сильный ветер гнал всё дальше в горы.

– Почему вы расстались с мужем? – бокал вина расслабил Таню, и деликатность уступила место любопытству.

– Я... я не знаю, так сложилось, – на этот вопрос я никогда не знала, что ответить. Я сама себя спрашивала. L меня спрашивал, что естественно, он не мог понять и очень сильно болел из-за этого. Я тоже болела. Болела за него и, по-моему, немного за себя. А спрашивали все. Всем было интересно. Все хотели знать ответ на этот вопрос. Почему. 16 лет – это такой срок, после которого так просто не расстаются. Тем более этот союз был совершенно особенным, не похожим ни на какие другие.

– Другой мужчина?

– Нет, вовсе нет!!! Какой мужчина может заменить L? – я болезненно улыбнулась. – Это невозможно. Он идеальный. Я бы никогда в жизни не ушла от него только ради другого мужчины.

– Может быть, другая женщина? Я имею в виду у него. Хотя в современном обществе возможно всё, – мы засмеялись.

– Нет. Я даже думаю, что после того, как мы расстались, другие женщины начали появляться в жизни L только мне назло, или чтобы вызвать ревность, или от безысходности, – моё сердце защемило. Я почувствовала эту боль в центре груди лишь секунду, потом она ушла в плечо, по руке спустилась в кисть и исчезла с кончика мизинца.

– Ты говоришь, что он идеальный.

– Идеальный. Вернее, ну не совсем, конечно, но, понимаете, его недостатки, они такие несущественные по сравнению с его достоинствами. А если сравнивать с другими мужчинами, то L действительно самый лучший.

– Ты извини меня, дорогая, – Таня с непониманием и осуждением покачала головой. – Но ты действительно сумасшедшая. И я тебя не понимаю.

Я привыкла. Мне и не нужно было, чтобы меня понимали. Я оставила идеального мужчину современности, променяв его на одиночество. Я ушла от прибыльной работы ради прозрачной мечты, которая всё больше обретала форму в моих фотографиях. Меня бы никто не понял. Разве что такой же извечный мечтатель, как и я. Человек в постоянном поиске именно своей реальной жизни, а не чьей-то другой.

Мелкий, съев куриный суп-лапшу, мирно сопел у меня на коленях. Я опустила руки ему в волосы, растворяясь в этом ощущении детства, кутаясь в детский сон, как в мягкое покрывало. Под этим покрывалом мне было совсем всё равно, кто и что думает обо мне, о том, что я сделала со своей жизнью и сделаю потом.

Наконец-то принесли сасими. Огромное блюдо с сырой, слегка замаринованной в лимоне, специях и ароматном оливковом масле рыбой. Здесь был мой любимый тунец, дорадо, лосось и креветки, которые сладко таяли во рту, создавая с македонским вином неповторимый дуэт, достойный руки самого прекрасного творца.

– Это божественно! – не удержалась я.

– Я же говорила!!! Подожди-подожди, сейчас принесут осьминога на гриле... м-м-м-м...

Осьминог был мягкий, нет, очень мягкий и нежный внутри, с хрустящей корочкой снаружи. К слову сказать, таких вкусных осьминогов, как в этой стране, я не ела нигде и никогда, ни до ни после этого путешествия. А как вкусно были приготовлены овощи! Грибы, кабачки, помидоры – неповторимый летний рататуй. Праздник вкуса.

Фейерверк вкусовых эмоций мы завершали мятным чаем и каким-то умопомрачительным местным десертом, который решено было попробовать по совету нашего понимающе кивающего головой и очень доброго водителя. Десерт оказался очень сладким, даже приторно сладким. Но я всю жизнь любила сладости, поэтому получала неимоверное удовольствие, поглощая его ложку за ложкой. На основе манной крупы, политый сверху карамелью, он растворялся на языке, как мороженое. А вот чай оказался безвкусным. Я уже успела отметить и неоднократно убеждалась потом, что в странах, где культ кофе, чай пить совершенно невозможно. Зато кофе, даже в самой что ни на есть уличной забегаловке, будет отличным, ароматным, насыщенным, какого иной раз не найдёшь даже в хорошем ресторане в Москве.

В объятиях позднего вечера рядом с водой не согревало уже ни вино, ни горячий чай. От количества съеденной вкусной еды и выпитых напитков было сонно, хотелось в тепло. Прижаться к маленькому ангелу, взять его ручки в свои и вместе смотреть сны о будущем. О наших совместных приключениях, мечтах, о том, чему ещё только предстоит сбыться.

В машине по дороге домой стояла тишина. Видимо, все разделяли моё настроение и желания каждого совпадали.

Я смотрела на море из-под полужакрытых век. Огоньки-огоньки на чернилах, которые расплескала ночь. Магия этого вечера была так спокойна. Так нежна и немного печальна. Но это была светлая печаль, вселяющая веру, что всё будет именно так, как должно было быть давно. Путь был уже определён. И я была всего в нескольких шагах. Всего несколько кадров отделяли меня от новой истории. В те секунды, когда за окном волны танцевали на ветру, а

мои пальцы переплетались в нежных детских волосах, я была уверена, что этот наш побег один из самых прекрасных и знаковых в моей жизни.

Мы остановились у зелёного дома, Таня с водителем помогли мне выйти из машины, на руках у меня видело свой десятый сон маленькое спящее чудо.

– Тебе помочь? – спросила Таня.

– Нет, я сама, – хотя было очень тяжело, мне не хотелось сейчас никого, а лишь быстрее оказаться наедине с сыном. Казалось, я немного устала от этих людей, их общества, к которому не привыкла. Со мной так часто случалось. Я всегда чувствовала тех, с кем мне комфортно, с кем я такая, какая есть, а с кем приходится себя постоянно заставлять что-то думать, делать, изображать. Мне нравилась Таня, но мне приходилось с ней меняться. И за целый день я очень устала. Продолжать не было сил. – Спасибо. Вы езжайте. Уже совсем поздно, – мне показалось, что я заметила, как мои спутники вздохнули с облегчением. Наверное, они тоже от усталости.

– Спокойной ночи, милая! Утром я тебе напишу.

– Спокойной ночи!

Дверцы хлопнули, мотор зарокотал, и через секунду Таня с водителем уже скрылись из виду в темноте сонных улиц.

На маленькой веранде на первом этаже одиноко стоял стеклянный столик и несколько стульев, за окнами, закрытыми жалюзи, мелькали неясные силуэты.

Ветер дул мне в спину, в лицо, вокруг меня, повсюду. Моя юбка, любимая синяя юбка, развевалась на ветру и путалась между ног, мешая идти.

Со своим мальчиком на руках я поднялась домой, с трудом открыла дверь и, разбросав обувь по прихожей, отправилась в спальню.

Мелкий сонно мурлыкал, пока я переодевала его в пижаму, но не проснулся ни разу. Эмоции и краски, воздух и соль прожитого дня сыграли свою роль. Сон мелкого был крепким и беззаботным.

Хотелось в душ. Я скинула одежду и нырнула в душевую. Под прозрачные тёплые капли. Вода стекала по коже тёплыми струями. Я стояла, пока мне не стало совсем жарко.

После душа, ароматных масел и кремов мне почему-то удивительным образом расхотелось спать и захотелось ещё вина, несмотря на то, что я уже достаточно выпила в этот вечер.

«Хочу вина и смотреть в ночь», – подумала я, надела мягкий спортивный костюм и с большим бокалом сухого белого вышла на балкон. Если бы я курила в то время, то обязательно закурила бы сигарету, но я не курила и не собиралась начинать.

Холодное вино, ветер, чернильная ночь в маленьком странном городке у моря.

Где-то внизу, как мне показалось, на маленькой веранде я услышала голоса. Разговаривали мужчины на местном языке. Я подошла к перилам и посмотрела вниз.

Так странно. Свободно и легко. Снизу вверх, совершенно ещё не знакомое и неизвестное мне, улыбаясь и мерцая глазами в темноте, на меня смотрело моё будущее...

4

За ночь ветер совсем стих, и, несмотря на то что проснулась я очень рано, меня встретило по-настоящему летнее, жаркое утро.

Я лежала на белых простынях, широко раскинув руки, улыбаясь длинному солнечному лучу, который скользил сквозь прикрытые жалюзи прямо на нашу огромную кровать, осторожно, по одеялу, потом на белоснежные подушки и изголовье.

Мелкий, растянувшись во весь свой рост, лежал на животе, подложив одну руку за щеку, а другу закинув за голову. Ротик был полуоткрыт и время от времени улыбался какому-то очень красивому сну.

Я соскользнула с кровати и на цыпочках, осторожно ступая подушками пальцев, прошмыгнула на балкон, чтобы взглянуть на море и порадоваться новому летнему дню.

На улице всю кипела жизнь.

Как только ветер стих, маленький странный городок у моря ожил и задышал полной грудью, без страха перед стихией.

– Мамочка, – раздался звонкий голос из спальни, выдергивая меня из очередной фантазии.

– Я здесь! Доброе утро, сладкий.

– Ты знаешь, мне кажется, я очень хочу чего-нибудь вкусенького, – мелкий пришёл ко мне весь сонный, со взъерошенными сладким сном волосами.

– Что, так сразу? – не могла не улыбнуться я. – Может, для начала хотя бы проснёшься до конца? И я подозреваю, что не просто вкусенького, а ещё и шоколадного?

– Шоколадное было бы особенно хорошо, – задумчиво почёсывая щеку и игнорируя мой комментарий насчёт того, чтобы проснуться, произнёс мелкий.

– Хитрец, – я засмеялась. – Иди чистить зубы и пойдём в пекарню. Ещё совсем рано, и я думаю, что Таня спит. Мы успеем съесть чего-нибудь вкусенького, а я выпью кофе. Таня обещала отвести нас на какой-то совершенно особенный пляж.

Но мелкий меня уже не слушал. За ужином, прежде чем уснуть на моих коленях, он почти ничего не съел и сейчас, должно быть, был достаточно голоден. Поэтому он поспешил чистить зубы и собирать игрушки, которые уже решил взять с собой на море. Сын каждый раз придумывал себе что-то новое в зависимости от настроения и плана игры, которую затеял в очередной раз. И то утро не было исключением.

Мы собрались в считанные минуты. Я замотала небрежный хвост на голове, натянула рваные джинсовые шорты и белую футболку. Мелкий выбрал ярко-оранжевые плавательные шорты со слонами и белую футболку, как у меня. Мы надели солнечные очки. Я – свои любимые серебристые авиаторы Diog, а мелкий – голубые зеркалки Ray Ban.

Теперь мы были настоящей бандой, командой курортников в поисках приключений.

Мелкий, прихватив свой рюкзак с игрушками, выбежал на улицу первым.

Там уже всю разгуливали разноцветные кошки. Откормленные, пузатые, они валились в траву и перекатывались с боку на бок. При виде мелкого, уже по обыкновению нарушавшего их покой своими громкими криками, вся разношёрстная банда бросилась врассыпную.

Я медленно спустилась из тени подъезда в летнюю жару. «Боже мой, если сейчас уже так жарко, то что же будет к середине дня?» – подумалось мне.

Горячий воздух проник в каждую клеточку моего тела. Я вдыхала и выдыхала солнечный свет. Это было так хорошо и так необыкновенно, как бывает только на море. На море солнечный свет дышится легко. Он мягкий, с солью, струящийся по лёгким, не обжигая и не высушивая, но лаская и согревая.

– Ну что, идём за чем-нибудь шоколадным? – с улыбкой спросила я.

– Ура! Ура! – кошки в секунды были забыты и оставлены в покое наслаждаться своей жизнью вплоть до самого вечера.

Мелкий, уже запомнив дорогу, бежал впереди меня. Я замешкалась, включая наушники и размышляя, какую бы музыку выбрать в настроение этого безветренно-солнечного дня.

На секунду подняв голову наверх в бесконечное небо, где беспечно и радостно носились ласточки, мой взгляд непроизвольно остановился на силуэте, который был уже знаком мне со вчерашнего вечера. Я его уже видела ночью, в темноте, под завывание ветра, только смотрела я тогда сверху вниз на маленькую веранду на первом этаже, а теперь снизу вверх – на большую веранду под крышей зелёного дома. Это был один и тот же человек. И он смотрел прямо на меня. Я не видела его глаз, его улыбки, но чувствовала, что глаза по-прежнему блестят и он улыбается. Я чувствовала интерес, сильный интерес, в какие-то секунды мне даже казалось, что этот интерес ощутим физически, как прикосновение или касание. Интерес, который уже не остановить, сильный, мощный, как тот ветер, который дул ещё вчера, а сегодня сменился полным штилем.

Отгнав странные мысли и опустив глаза в телефон, где мелькали музыкальные исполнители и песни, я поспешила по дороге за мелким.

Мне было свободно. Дышалось легко, но как-то странно. Очень странно. По-новому. Незнакомо. Как будто совсем недавно, буквально только что, со мной случилась моя новая реальная жизнь.

В пекарне было много народу и пахло, казалось, ещё вкуснее, чем вчера. Мы взяли слойку с сыром и шоколадный круассан. Тесто было очень горячим, только что из печи. Оно обжигало пальцы, но я была такой голодной, что мне было всё равно. Не обращая внимания на боль, я жадно отрывала кусок за куском от своей слоёной булки. Доедая по дороге свой летний завтрак, мы спускались к набережной, чтобы выпить кофе. За это время мелкий весь перепачкался шоколадом. Нос, щёки, маленькие пальчики – всё было шоколадным, отчего он сам стал ещё слаще и вкуснее.

Я люблю смотреть на счастливые чумазые детские личики. Следы радости и звонкого детства на неумытых вкусных щеках и губах. Мне нравится изучать мелкого, как он облизывает пальцы и улыбается широкой беззаботной улыбкой.

Он вырастет, станет большим, социальные рамки и прочие вредные условности уже не позволят ему ходить вот так, в шоколаде или в следах от мороженого или ягод. И если уже на такого маленького, на него смотрят с удивлением, что его незадачливая мамаша не может вовремя, как только он испачкался, умыться малыша, то что же будет потом, когда мой сын окуётся в мир стереотипов с головой?

Но это будет совсем не скоро. И мне не хотелось об этом думать. Мне хотелось, как и он, измазаться какой-нибудь вкусной едой и быть счастливой, сытой и довольной.

На набережной в тени красивых, вкусно пахнущих деревьев я заказала себе кофе, а мелкому яблочный сок. И мы сидели вот так, вдвоём, вдыхая кофейный аромат утра и наслаждаясь видом на море. Время от времени к нам подлетали осы, ведомые сладким запахом яблочного сока. Но мы с мелким к ним почти привыкли за последние пару дней и старались реагировать спокойно, как будто они были лишь частью этого летнего мира, его неотъемлемой составляющей и историей.

Людей становилось всё больше и больше. Время близилось к 9 утра. На моём телефоне высветилось сообщение от Тани. Она ждала нас у себя дома, чтобы вместе пойти показать нам красивый пляж.

И спустя всего несколько минут мы уже втроём шли мимо строящихся отелей и комплексов апартаментов, прячась в их тени.

В такую жару вообще любое передвижение по улицам – это своего рода игра: ты ищешь тень побольше на своём пути и стараешься добраться до неё побыстрее. Мелкий особенно преуспел в этом деле. А так как роста он был ещё совсем небольшого, то в качестве укрытия от палящего солнца ему мог служить любой маломальский куст.

После того как мы миновали строящиеся здания, по обеим сторонам от дороги замелькали маленькие двух- и трёхэтажные домики с красивыми уютными дворами. Один милее другого.

Таня показала нам местную школу. Чуть дальше располагалось футбольное поле с изумрудной травой, по которому гоняли мяч местные подростки. Футбольное поле располагалось за высокой оградой с тёмными металлическими прутьями. Мелкий прильнул к ограде, увлечённый игрой.

– Завтра я улетаю в Рим, – Таня ела ярко-спелую малину из картонной коробочки.

– Ох, как же здорово, – в ностальгии по древнему городу я театрально закатила глаза. – У меня тут небольшие проблемы с интернетом. Кто поможет их решить? – в белой квартире действительно плохо работал Wi-Fi, но я совсем забыла об этом, увлечшись новыми ощущениями и эмоциями.

– Мой водитель, – отозвалась Таня. – Он поможет тебе со всем разобраться. Не переживай. Наслаждайся морем и солнцем.

– Да всё отлично. Просто есть небольшие нюансы. Пока я отдыхаю, но нужно будет и поработать. А для работы мне очень нужен интернет.

– Решим, не переживай.

– Таня, а ты знаешь всех обитателей зелёного дома? – зачем-то спросила я.

– Ты говоришь о соседях? Владельцах квартир? Или отдыхающих?

– Ну, с отдыхающими-то всё ясно, одни сменяют других, за всеми не углядишь. А что насчёт соседей?

– Я знаю практически всех. Кто именно тебя интересует?

– Ты знаешь, – лишь на секунду я задумалась. – Да, в принципе, никто. Я так просто спросила. Сама не знаю, зачем.

– Ну, если вдруг что, я попробую тебе помочь, – Таня как-то подозрительно взглянула на меня, но больше ни о чём спрашивать не стала, а я не видела смысла продолжать диалог в этом направлении.

– Спасибо, я приму к сведению.

Я казалась себе смешной и глупой. Как будто мои мысли путались, перескакивая с одной на другую. Зачем я вообще спросила про соседей? К чему? Мне даже не интересно. Совсем не интересно. Ни про маленькую веранду на первом этаже, ни про большую – под крышей.

– Если мы хотим занять лежаки поближе к воде, нам надо поторопиться, – Таня доела малину, и теперь ей не терпелось попасть на пляж. – К тому же впереди ещё пожарная часть и полицейский участок. Учитывая интерес твоего сына к футболу, я думаю, что там мы проведём не меньше времени, чем здесь. – Она улыбнулась, и я невольно улыбнулась в ответ, хотя и витала где-то в своих розово-ванильных облаках.

Моя подруга оказалась права. Возле пожарной части и полицейского участка мы пробыли очень долго.

Мелкого было невозможно утащить, и я его прекрасно понимала.

Огромные красные машины вызвали у него такой неподдельный интерес, который случается только с маленькими детьми или взрослыми мечтателями.

Он заглянул под каждую машину, потрогал блестящий металл колёсных дисков, детально изучил лампочки огромных сверкающих на солнце фар.

– Мама, они такие большущие, – я не совсем понимала, о чём именно говорит мой сын, о машинах или об их многочисленных составляющих.

– Что ты имеешь в виду, сладкий? – я подошла и нежно потрепала его белобрысую шевелюру, которая с каждым днём на солнце становилась всё светлее и светлее.

– Колёса!!! Большие чёрные колёса и блестящие круги.

– Это диски, колёсные диски. Или как это называется?

– По-моему, так и называется, – задумчиво произнесла Таня, которая уже смирилась с существующим положением вещей и лениво доедала мороженое в тени большого разлапистого дерева.

– Когда я вырасту совсем большой, как папа, я буду ездить на такой же огромной красной машине, и мои диски будут блестеть!!! – мелкий с восхищением провёл ладошкой по сверкающему металлу.

– Обязательно всё будет так, как ты хочешь! – я поцеловала мелкого в макушку и, уже обращаясь к Тане, добавила: – Это забавно, забавно и мило, когда твой ребёнок с таким энтузиазмом говорит о профессии, которая сейчас не так популярна, как во времена моего детства.

– Дети... Ты права, это прекрасно.

– Да, сейчас он как раз в том прекрасном возрасте, когда стереотипы и нормы современного общества ещё не властны над ним. Он ещё мечтает о возвышенном и видит мир в ярких красках. Меркантильная составляющая нашей реальности лишь слегка коснулась его, и пока он не ведаёт, что пройдёт всего несколько лет и мечты приобретут для него совсем другой характер. Вровень с современным обществом, мелкий будет искать во всём материальную выгоду и, скорее всего, выберет профессию, которая будет приносить доход, вопреки детским мечтам и порывам свободной души. И, что самое страшное, мне кажется, что я его поддерживаю, – я грустно замолчала.

– Или он останется таким же мечтателем, как и его мама, потому что не сможет по-другому. И, что самое прекрасное, ты его поддержишь.

– И, в идеале, неожиданно случится так, что наши мечты будут приносить нам неплохой доход.

– Катя, какая же ты меркантильная. А ещё мечтательница.

Мы засмеялись.

Жара стояла невыносимая. Время близилось к 11 утра. И по дороге на пляж встречалось уже достаточно много людей и машин.

– Чувствуется, на лежаки возле воды можно не рассчитывать, – с некоторой досадой произнесла Таня.

– Это неважно. Главное, что солнце и море, – я широко улыбнулась.

– Катя, ты как всегда. Я, конечно, понимаю твой энтузиазм. Но ты во всём стараешься находить только хорошее. Это невозможно. Я не могу. Для меня слишком сладко, – Таня смеялась. – Так что давай, прекращай, иначе мне придётся съесть лимон. Чтобы поддержать вселенский баланс.

Тут уже мы обе засмеялись. А потом я вспомнила, почему я такая сейчас, почему ищу во всём только светлую сторону.

– Таня, – тихо сказала я, – если я не буду такой, какая я есть, я сойду с ума.

Какое-то время мы шли молча. Вдоль дороги высились хвойные деревья. Пахло лесом, смолой, сухими опавшими иголками и покоем. Мне хотелось свернуть с дороги, шагнуть прямо в эту хвойную стену и идти, идти, прикасаясь ладонями, кончиками пальцев к сухой коре. И слышать голос леса, и ветер между кронами, и хруст хвои под ногами.

Я всегда любила именно хвойный лес. Он всегда красивый. В любое время года. Для меня у него запах праздника, как будто у него особенная душа, ароматная, душистая. Как ман-

дарины зимой. Как ягоды земляники летом. Оранжевые мандарины и кроваво-красные ягоды на изумрудном зелёном – мой ковёр красок и уснувших воспоминаний.

Воспоминаний, которые спали много лет, пока я зарабатывала деньги и бежала навстречу мнимым идеалам. Пока вся моя сущность, всё моё нутро не закричали мне, маскируясь под панические атаки и бесконечную депрессию, что я иду не в том направлении. Что я столько раз сбежала, но всё время бежала не туда или просто неудачно. Что настал момент сбежать ещё раз. Но сбежать так, чтобы поменять одну жизнь на другую. Одну реальность на другую. На ту, которая поведёт к новой мечте, потому что все прошлые желания сбылись. И последние несколько лет я глупо топталась на месте, захлёбываясь последствиями неосторожных действий и неправильных поступков, как по отношению к близким мне людям, так и по отношению к себе.

И сейчас я хотела пойти в лес, прямо в чащу, и смотреть с высоты там, где высокие длинные деревья, на море, и слушать все эти звуки вокруг себя, и ощущать почву с иголками под ногами, и дышать солью...

Когда я была маленькой с длинными русыми волосами и потом, когда повзрослела и смотрела на мир немного иначе, в моей жизни всегда были бесконечные дороги. Очень часто с родителями на маленькой машинке мы ездили из городка на Волге, в котором жили, к бабушкам в Самару. И каждые каникулы я ездила одна. Как правило, на большом красном или сером автобусе, где пахло бензином и «невкусными» людьми и летом было жарко, а зимой холодно. Очень жарко или очень холодно. Жарко до жуткой жажды и мерзкой духоты. Холодно до того, что я не чувствовала кончиков пальцев ни на руках, ни на ногах. И я всегда мечтала быстрее добраться до пункта назначения. Но как только унылый пейзаж за окном сменялся хвойным лесом, я как будто окуналась в совершенно другую историю. Я словно была свободна и от жары, и от холода. Это трудно объяснить, но хвойный лес, растопырив свои иголки, наполнял меня силой и бешеной энергией. Я всегда, всю свою жизнь мечтала жить в лесу, где сосны и ели.

Не потому ли в тот момент, попав по чистой случайности, повинувшись знакам и воле обстоятельств вперемешку с собственными желаниями, в эту страну, в этот маленький городок у моря, я чувствовала себя так легко и свободно, словно была у себя дома? В своей природе, своей стихии...

Со мной были мелкий и Таня, и мы шли на пляж. И я уже видела где-то вдали россыпь соломенных зонтиков на фоне голубого неба.

С обеих сторон лазурной бухты высились красивые, причудливой формы скалы с коронами хвойных деревьев выше, к небу. Чуть позже мне предстояло разглядеть маленькие гроты и пещеры прямо под водой, но сейчас я смотрела на лазурное море... И на толпы людей, которые переполнили пляж, кафе и все доступные взгляду места вокруг. Было более чемлюдно.

Но Таня была права. Нам повезло. И у воды как раз было достаточно лежаков. Мы выбрали парочку возле центрального прохода, чтобы комфортно перемещаться до кафе и душевых.

Загорелый темноволосый мальчик с голубыми глазами, обслуживающий персонал пляжа, поставил нам пляжный зонтик, воткнув его как можно глубже в мелкую гальку.

Таня заказала мохито и расслабленно растянулась в тени. А мы с мелким, ненасытные до солнца и моря, пошли плавать, и я с головой окуналась в уже тёплую, как парное молоко, воду.

Мелкий, который вообще очень быстро находил общий язык и со взрослыми, и с детьми, моментально нашёл себе друзей, совместно с которыми приступил к реализации своего нового проекта по строительству замков на песке и мелкой гальке.

Я расслабилась, несколько минут просто покачалась на волнах на одном месте, не думая ни о чём и наблюдая за детьми. А потом как-то вдруг решила сплавать до буйков.

Потом каждый раз, приходя на этот пляж, я плавала до буйков каждые 20–30 минут. Это было одно из моих самых любимых занятий в маленьком странном городке у моря.

А тогда я плыла, и, несмотря на огромное количество людей в воде повсюду, я чувствовала своё полное единение с природой. С кристальной водой, со скалами и хвойным лесом.

В тот момент я была в покое и в тишине, наедине с самой собой, слушая морские глубины.

Я окунулась несколько раз с головой, нырнула с закрытыми глазами и открыла глаза на глубине. В ушах пульсировало давление, я посмотрела наверх. Сквозь толщу изумрудной воды на меня смотрело солнце, а его лучи пронзали воду насквозь, пронзали моё тело и всё вокруг.

Сбежав из своей реальной жизни, я попала в тишину и покой среди сосен и скал, но впереди я чувствовала тихо подкрадывающийся ко мне, надвигающийся с бешеной скоростью неминуемый взрыв – предвестник моей новой жизни, переворот, инициатором которого я уже выступила.

Сейчас мне было хорошо и спокойно, и то, что меня ждёт, будет мощно, будет иначе, наконец-то будет так, как должно было быть давно.

Но всему своё время. И время пришло. Назад дороги не было. Только вперёд. К свету. К солнцу.

Подняв руки вверх, я сделала ими огромный гребок и всплыла на поверхность.

– Хочешь, я угощу тебя самой вкусной пиццей на свете? – Таня только что выбралась из воды, на её загорелой коже мерцали капельки солёной морской воды. Я лениво выглянула из-под зонтика.

– Самый красивый пляж. Самая вкусная пицца, – я улыбнулась. – Дорогая, тебе не кажется, что ты меня балуешь?

– Ну, ты же моя гостя.

– К тому же невозможно предложить человеку, который так долго прожил в Италии, как я, самую вкусную пиццу, если только вы не находитесь в Италии...

Мы засмеялись.

– Ты должна её попробовать. Я настаиваю. Каждый день потом сюда будешь за ней приходить. Да и мелкому не повредит хорошенько подкрепиться. И вообще, ну что ты за мать такая, – Таня продолжала широко улыбаться. – У тебя ребёнок весь день на солнце, а ты лежишь тут как ни в чём не бывало.

– Что поделаешь, – поддержала я её шутку, – беспечная мамаша, которая думает только о себе и своём благополучии. Ну, например, как в очередной раз поменять свою жизнь или ещё бред какой.

– Иногда я не пойму, Катя, ты шутишь или серьёзно, – она смотрела на меня внимательно, пытаюсь понять или объяснить самой себе, что я за существо такое, затерявшееся в собственных мечтах.

– Таня, конечно, я шучу, язвлю, всё что угодно, только не серьёзно. Да и как можно мне о самой себе говорить серьёзно? – я попыталась улыбнуться как можно искреннее. И, словно почувствовав меня и желая поддержать, выхватив из непонятных мыслей и воспоминаний, моя подруга, переводя тему разговора, скомандовала:

– Так, всё!!! Бегом в душ и за пиццей!

Таня в очередной раз не обманула! Пицца была восхитительная. Даже несмотря на мой итальянский опыт. Конечно же, она была не самой лучшей в мире. Но самой лучшей на местном побережье, это точно. В чём я потом неоднократно убеждалась.

Мы обедали в красивом местном ресторанчике чуть повыше пляжа, откуда открывался умопомрачительный вид на воду и скалы. На открытой веранде стоял шум людских голосов, кружились осы. В жарком воздухе расплавилась атмосфера знойного полудня.

Мелкий перепачкал пальцы «Маргаритой» и облизывал их один за другим. Я тоже с нескрываемым удовольствием смаковала расплавленный сыр вперемешку с томатным соусом.

Пицца – удивительное блюдо. Такое простое: тесто, сыр, соус, другие ингредиенты, но это самое замечательное из всего, что я когда-либо ела в жизни. Оно такое по-настоящему детское, словно в нём сама суть детства. А значит, суть всего. Раз, два, красный, белый. Горячее тесто на руках, тянучка-сыр, соус на губах и на щеках.

В тот день мы с Таней много говорили о детях. О наших сыновьях. Правда, её сын совсем взрослый, 28-летний мужчина. Но забот от этого ей было не меньше. Становясь родителями, мы часто думаем, что вот-вот и будет попроще. На самом деле проще не будет уже никогда. Забеременев, мы мечтаем быстрее родить, но после родов начинается новая история. Пока малыш не ходит и не говорит, мы хотим, чтобы он быстрее пошёл сам и начал объяснять словами, чего он хочет. Потом мы хотим, чтобы он бегал. Потом, чтобы умел писать, читать, знал языки, хорошо учился, преуспевал в спорте. Один возрастной кризис сменяет другой, а мы всё ждём и ждём, когда же наконец-то станет проще, легче, в какой-то прекрасный момент понимая, что проще и легче не станет уже никогда.

В тот самый момент, когда мы решили стать родителями и Бог дал нам это право, мы изменили свою судьбу. Мы бесконечно счастливо обречены всегда любить, всегда оберегать, всегда заботиться, но, главное, всегда быть любимыми.

У Тани была сложная судьба. Она воспитывала сына практически одна. Она работала и зарабатывала. Она искала, и судьба находила для неё нужные ходы и лазейки, чтобы пробиться вперёд. Она дала сыну хорошее воспитание и образование, насколько могла. Никто не идеален, но порой, стремясь к идеалу, мы идём в обратном направлении.

В тот момент мне показалось, что Таня чувствовала нечто подобное. Она так сильно хотела, чтобы её сын вырос высокообразованным и самостоятельным мужчиной, что во всей этой борьбе она забыла что-то важное, самое важное. И теперь отчаянно пыталась это вернуть.

Солнце клонилось к закату, а это означало, что мы и сами не заметили, как целый день провели на пляже, зарываясь ногами в горячий песок, прячась под смешные зонтики и плавая до буйков и обратно, каждая со своими мыслями, заботами и печалью. Мелкий тоже устал и весь мокрый солёный, сидел на песке с мелкой галькой, перебирая камушки. Я заботливо высушила его полотенцем и передела во всё сухое и чистое.

Дорога домой была приятной. Вечер – мягким и нежным. Таня зашла в магазинчик у дороги и взяла две маленькие бутылочки сладкого фруктового вина, которое я так ни разу за то лето и не попробовала, забывая и думая о другом.

Мы остановились на перекрёстке, где Тане нужно было идти наверх по улице, к дому, в котором она жила, а нам с мелким дальше, вдоль стройки, потом мимо киоска и вверх, вверх, к нашему зелёному домику.

– Я должна идти собирать вещи, завтра вылет рано утром. Водитель отвезёт меня в аэропорт, – казалось, нам немного грустно прощаться, но это была светлая грусть.

– Отлично. Хорошей тебе поездки. Отдохни и выспись, – я устало улыбалась, глядя на счастливую и загорелую подругу.

– Катя, я желаю тебе самого замечательного отдыха на свете. Наслаждайтесь морем и солнцем. Кушайте побольше фруктов. Я буду ждать новостей. И напиши мне, что там у вас с интернетом.

– Спасибо тебе огромное. Увидимся уже в Москве?

– Да, конечно!

Мы тепло обнялись. И недолго постояли в объятиях друг друга, даря женскую заботу и тепло.

– Я буду скучать. Мелкий, хороших тебе каникул, – добавила Таня.

– Спасибо, – отозвался мелкий откуда-то издалека. И, поцеловав Таню в щёку, я поспешила его догонять.

Мыс мелким впервые остались как будто только вдвоём в этом странном маленьком городке у моря.

Мы дошли до дома, купив по дороге малины и огромной, почти чёрной под своей сладостью, черешни. На маленькой веранде на первом этаже никого не было, стулья одиноко были приставлены к дверям, а жалюзи на окнах полностью закрыты. Только бесчисленные кошки носились по двору, но с появлением мелкого и они разбежались в разные стороны, попрятавшись кто куда.

И я сначала долго отмывала сына под душем от соли и песка, от этих маленьких частичек лета. Он хихикал под звонкими струями воды и беспечно брызгался в разные стороны. Я намылила его всего, отмыла каждую ладошку, каждый пальчик, а потом долго сушила полотенцем волосы, вытирала ручки и ножки. Такие большие, такие сильные. Мои ножки. Ножки моего мальчика.

Мелкий не выдержал пытки и убежал от меня босыми ногами по полу, забрался на кровать, укутался в чистые белые простыни. А потом попросил немного посмотреть мультики. Я уступила. Это был очень выгодный обмен. Мой одинокий душ, мои крема, моя ароматерапия в обмен на парочку мультиков по ноутбуку.

Люблю принимать душ после моря, когда вся в песке и соли.

Я долго стояла под нежными струями, мыла голову, вытирала себя досуха, мазалась любимыми кремами.

В маленькое приоткрытое окно доносились звуки улицы. Колокольчик велосипеда, хлопающая дверь подъезда, чьи-то непонятные голоса. Какая-то своя жизнь, домашняя, словно я была у себя дома или на даче, как в старые добрые времена, когда жила в большом городе на Волге.

Я задумалась. Ведь это даже не Италия, которую я так сильно любила. Нет, не она. На неё маленький странный городок у моря был совсем-совсем не похож.

Это другое. Это место, которое непонятно чем, почему и зачем, но завоевало меня в считанные секунды и в мгновение стало очень родным.

После душа, лениво пролистав почту, я подумала, что одеться на ужин нужно попроще. И вообще никуда идти не хотелось. Усталость. Очередной насыщенный день. Но мы же должны были что-то есть, кроме фруктов.

И я совершенно не знала, куда мы пойдём. Таня показывала и советовала места, но мне хотелось найти своё. Моё собственное. Мой пробный шаг.

Преодолев себя, я заставила нас собраться. И вот мы уже дошли до набережной, где наши глаза разбежались от пёстрой толпы и количества ресторанов и кафе, привлекающих каждого своим особенным меню. Мелкий уныло плёлся рядом со мной, уставший и голодный. Медлить не имело смысла, и инстинктивно я свернула на веранду итальянского ресторана.

Мы сели под закрытым зонтиком прямо у пляжа и набегающих на песок волн. Море было повсюду. «Надо же, какое совпадение. Ну раз с итальянской кухни начался наш день, пусть так он и продолжится», – подумала я и заказала мелкому макароны с сыром.

Сын увидел батут недалеко от веранды. И его усталость как ветром сдуло.

– Мамочка, можно я схожу вон туда? – умоляюще взглянул на меня он.

– Конечно, сладкий, – я сдалась, желая лишь вина и вкусного салата. – Только сначала посмотри, что там, а потом прибежишь и расскажешь.

– Конечно, обязательно! Прямо сейчас!

И он убежал. Унёсся. Только я его и видела.

Я выпила бокал вина почти залпом. Оно было кислым, но холодным. И мне стало хорошо и совсем без мыслей в голове. Заказала второй.

Я смотрела на воду и не думала ни о чём. Совсем ни о чём. Было тихо и хорошо. Небо было вкусно-розового цвета. Возле небольшого острова вдали мерно раскачивалась на воде небольшая парусная яхта.

Щёлкнув несколько фотографий на телефон, отправила их своей близкой подруге Юле, которая должна была прилететь к нам завтра. В ответ телефон радостно «заморгал» восторженными смайликами.

Юля в это время за несколько тысяч километров от нашего приморского городка паковала свой чемодан, чтобы ранним утром в прохладном московском тумане забраться в сонное такси и отправиться в направлении аэропорта.

И я ждала её, потому что очень любила. Потому что хотела делить эти замечательные морские закаты с близким мне человеком и обсуждать всё на свете. И мечтать. И верить только в хорошее и светлое.

Я вспомнила, как мы сошлись с Юлей. Впервые я увидела её на тренировке по пилатесу. Она была красива такой холодной, но в то же время мягкой красотой, что к ней тянуло с непреодолимой силой. Я почти сразу разглядела за её необычной строгостью ранимого, мягкого, нежного и очень-очень светлого человека. И не могла не полюбить. Ведь чем ближе мы становились, тем ярче сверкала всеми своими гранями маленькая Юлина душа.

У Юли глубокие голубые глаза и волосы волнами цвета тёмного шоколада. Тонкий носик, тонкие и нежные руки. И она сама вся тоненькая. С тонкой осиной талией, но широкими бедрами. Я люблю таких женщин. Миниатюрная, почти крошечная, очень женственная. Но сильная. Слишком сильная. Поэтому ей очень сложно.

Юля хирург-стоматолог от Бога. Профессия, о которой я, по случайному совпадению, безумно мечтала ещё в 7 классе. Но тогда у меня не сложилось. Я испугалась и выбрала другой, более простой, путь. Я не жалела, потому что не привыкла о чём бы то ни было жалеть. Сложилось, как сложилось. Это моя жизнь. И я люблю её. Куда бы я ни бежала.

И вот в моей жизни была Юля.

Мы встретились как раз тогда, когда обе были нужны друг другу. Ведь все люди, которые встречаются в нашей жизни, они совсем не просто так. Всему есть своя причина, у всего своя цель. Своего рода миссия.

Мы встретились, чтобы вместе идти каждая своим путём, быть поддержкой и опорой друг другу. И смеяться, и плакать, и шутить, и любить. И верить.

Принесли ужин: макароны с сыром и мой огромный салат с креветками.

Я пошла искать мелкого. Он был на батуте. Забирался на горку и скатывался, опять и опять. Детей было много, и все они носились из стороны в сторону, толкая друг друга. Хаос из малышей.

«Как странно, – подумала я, – дети на батуте без присмотра. Обычно в таких местах всегда есть кто-то, кто следит за происходящим и, естественно, взимает плату за развлечение».

– Мелкий, пойдём ужинать!!! – я отыскала сына глазами и теперь пыталась докричаться до него.

– Бегу.

Минута, вторая, третья. Пять минут. А он всё продолжал носиться с горки на горку.

– Сейчас моё терпение иссякнет и я пойду есть твои макароны за тебя. Тем более, мне кажется, они уже почти остыли.

– Бегу-бегу, – мелкий прыгнул с батута, обул сандалии и взбежал вверх по лестнице. – А вот и я.

– Отлично. Ну всё, пошли ужинать. Мне кажется, мы оба устали, – я улыбалась вполсилы.

После вина прожитый день давал о себе знать, и я поняла, что мечтаю только о белоснежных простынях, хотя мне ещё предстояло немного поработать. На самом деле мне давно уже нужно было заняться делами. Шёл третий день в маленьком странном городке у моря, а я ещё ни разу не открывала ноутбук.

Ужин был вкусным. Очень вкусным. На свежем воздухе нежные, слегка обжаренные креветки и зелень в оливковом масле были просто божественны.

Все столики вокруг были заняты. Стемнело. На чернильном небе сверкали звёзды. Семейные пары, дети, влюблённые. Запах морепродуктов в чесночном соусе. Усталость и вино, которое текло по моим венам.

Мелкий сложил губы трубочкой и всосал длиннущее спагетти. Это получилось весело, со свистом, что заставило нас обоих рассмеяться. Он скучал и всё время спрашивал о папе. И мне было грустно. Грустно и жалко тех дней, которые было уже не вернуть. Красивая история, которая закончилась. Но осталось много светлого и хорошего. Осталась дружба, общие цели, общие мечты. Остался опыт, ошибки, достижения. Осталась, хоть и совершенно другая, но огромная и светлая любовь.

Мы с мелким вышли из ресторана и решили взять мороженого. Он долго стоял у витрины, не зная, что выбрать. Разноцветные лотки пестрили перед глазами.

– Может, шоколадного? – я не выдержала долгого ожидания и сделала ход конём.

– Нет, мама, мне кажется, я хочу вон то белое с коричневым, или нет, не хочу, а хочу вон то розовое... – он уже прилип к витрине носом и обеими ладошками.

– Если ты сейчас же не определишься, то останешься совсем без ничего! – я действительно устала и понемногу начинала терять терпение. Хотя без мороженого я бы мелкого точно не оставила.

– Без всякого-всякого? Даже без розового?

– Даже без шоколадного!!! – отличный блеф.

– Ну хорошо! Я буду розовое и шоколадное, – и мелкий широко улыбнулся, предвкушая десерт.

Я, в свою очередь, была согласна уже на оба этих шарика мороженого, лишь бы наконец-то отлепиться от витрины и направиться в сторону дома. Я была довольна, счастлива, но еле держалась на ногах.

Мы медленно шли по направлению к зелёному дому, оставив шумную набережную далеко позади. Мелкий жадно облизывал рожок с мороженым и сжимал мою ладонь. Мороженое стекало по вафле разноцветными разводами и капало на асфальт.

В нашей прогулке было что-то особенное, еле уловимое. Какое-то умиротворение и благоухание спокойствия. Мы, уставшие, сытые, с ломотой в ногах и красными обгоревшими на солнце носами, плелись домой и держали друг друга за руки.

На маленькой веранде на первом этаже в летнем сумраке сидели двое. Такие разные и такие одинаковые. Мой силуэт прошлого вечера и сегодняшнего утра и тот самый загорелый худой мужчина в очках. Они слушали музыку и курили так расслабленно, как-то словно сами по себе, в своей картинке.

Они ещё не заметили нас, а я уже почувствовала лёгкое смущение. От этого было странно и непривычно. Когда это я так смущалась в последний раз?

Силуэт заметил меня раньше своего друга и произнёс в темноту по-русски:

– Добрый вечер! Как погуляли? – я слышала этот голос с местным акцентом, такой родной, как будто он был где-то рядом всегда... и в момент отогнала эти странные мысли и даже забыла о них, ведь они были лишь секундой...

– Хорошо, спасибо.

– Доброй вам ночи.

– И вам.

Мы с мелким поднялись по ступенькам в подъезд и зашли домой.

От моей усталости не осталось и следа.

Я была готова работать и работать на балконе, вдыхая чернильное небо и сливающееся с ним море вдали.

Мелкий уснул моментально, лишь только его золотая голова коснулась белоснежной подушки.

Я сфотографировала его и отправила фото L.

«Какой он у нас красивый. И как мне вас не хватает», – пришёл мне ответ.

«Ты как? Как день?»

«Сам не знаю. Устал... Давай лучше ты расскажи, как вы поужинали?»

«Отлично, я с соседями начинаю знакомиться», – и зачем я написала это?

«Симпатичные?))»

«Ну так. Один очень даже... м-м-м... Сегодня спросил, как мы погуляли, и пожелал спокойной ночи».

«Ого, вот это скорость...)))»

«Представляешь?))»

«Кто такие?»

«Не знаю, кажется, местные».

«Всё с тобой ясно, курортница)))»

«Ага, ушла к соседу...)))»

«А я и правда, пожалуй, спать».

«Спокойной ночи и сладких снов. Мы тебя любим и целуем. До завтра. А я, пожалуй, немного поработаю».

«Не засиживайся. Всё успеешь. Целую вас. Люблю. Спокойной ночи».

Сладкая кукуруза

1

Я плохо спала эту ночь. Много думала и вертелась на кровати. Целовала мелкого в макушку, чтобы хоть как-то успокоить свои бешено скачущие мысли. А ведь как мне хотелось спать за ужином в итальянском ресторане. До того, как что-то вдруг произошло.

Я решила почитать, потом очень лениво обработала несколько фотографий. Час, другой, на часах и за окном было почти утро. На горизонте появились первые отблески зари. И мои веки закрывались, и я словно видела сон. Но надо было уже просыпаться. И лишь проснувшись, я уже не помнила своих сновидений.

И в тот самый день должна была прилететь Юля.

Солнце медленно прокладывало своими лучами дорожку в кухне. Белые лучи на белом полу.

Я встала, поставила чайник и в одной шёлковой сорочке вышла на балкон. Вдохнула солёный воздух и улыбнулась солнцу. Когда так встречаешь день, ты непременно счастлив, несмотря на бессонную ночь.

Внизу на маленькой веранде на первом этаже было одиноко, безлюдно и тихо.

Весь двор был заставлен автомобилями, и повсюду лежали кошки. Они тянулись, зевали, лазали по капотам припаркованных машин. Им было свободно и фризовольно, потому что дети ещё спали и не могли потревожить их ленивый утренний мир.

Чайник тихо запыхтел.

Ступая босыми ногами по прохладной плитке, по бликам от солнечных лучей, я пошла чистить зубы.

Заварила себе любимую ромашку в большой синей кружке и сварила кашу для мелкого. Села на балконе с ноутбуком и своими фотографиями.

В небе носились ласточки. Вдали, на горизонте дышало море. Лёгкий ветерок растрепал мне волосы, и, оторвавшись от работы, я на секунду задумалась, как ценны эти мгновения. И сколько бы я отдала, чтобы жить вот так, просыпаясь каждое утро с осознанием того, что через несколько секунд, стоит только встать и сделать несколько шагов, я увижу море. Причём совершенно неважно, какое за окном время года, главное, чтобы море было рядом.

Несколько лет назад я жила на море зимой, в феврале. В маленьком городке с длинным пирсом на западе Италии. Мы тогда работали над одним интересным проектом и должны были постоянно находиться недалеко от Флоренции.

Несмотря на сильный ветер, зимнее побережье непременно пленяло своей безлюдностью и спокойствием. Какой-то особенно таинственной красотой, исключительной даже в непогоду, когда моросил дождь и местные жители отогревались в кафе граппой и горячим кофе. Вокруг было тихо и совсем не одиноко. Просто спокойно и хорошо. И, несмотря на кажущееся затишье, жизнь была повсюду. В маленьких кафе, в уютных домиках и квартирках, согретых человеческим теплом.

Моя душа там отдыхала. Отдыхала и творила. И хотела остаться подольше, если не навсегда... И впереди была итальянская весна.

Море в моей жизни было прекрасно всегда.

Маленькие детские ножки неслышно протопали через кухню ко мне.

– Доброе утро, мамочка, – мелкий повернулся ко мне своим сладким сонным личиком, и я в очередной раз поблагодарила Бога, что он подарил мне это огромное счастье – быть мамой сына.

– Доброе утро, сладкий! Может быть, кому-то не помешает умыться и почистить зубы? Нас ждут великие дела и вкусная каша!

– Может быть, нас ждёт всё остальное, но только не каша, мамочка?

– И не надейся! Великие дела невозможны без каши! А ну, бегом!

Через час, захватив с собой ягод, мы уже бежали на пляж. Ну, как сказать, бежали? Я спешила, потому что в скором времени мне нужно было встретить Юлю и я очень хотела успеть поплавать. А мелкий, в свою очередь, жуя малину, останавливался у каждого необычного канализационного люка или поливайки для цветов... Изучая и анализируя. Он никуда не торопился и был определённо увлечён происходящим вокруг него. В такие моменты нужно иметь железное терпение. Или очень сильно уметь любить этот мир, чем я последние пару дней активно и занималась. Плюс ко всему мне было завидно его неспешности и спокойствию. У него впереди была целая жизнь, и он понимал это. Дети вообще понимают намного больше взрослых, погрязших в заботах и условностях. Дети умеют больше чувствовать и созерцать. Им некуда спешить.

Ведь если никуда не спешить, есть огромный шанс всё успеть или даже успеть намного больше.

Поплавать в своё удовольствие я успела. Как я неоднократно убеждалась, если получается смотреть на мир с улыбкой, то всё складывается хорошо само собой. В те дни у меня странным образом получалось улыбаться практически постоянно.

Опустив ноги в прохладную лазурь, я почувствовала, как каждая минута этого дня наполняется смыслом. Я тихо улыбалась, наблюдая, как мой сын весело скачет на волнах вместе с Мишей. Какое-то совершенно бесценное время, совершенно бесценный день, в который хочется возвращаться и возвращаться, снова и снова.

Мне было так хорошо, как я не чувствовала себя уже много времени, дней, лет. Ни панических атак, ни страхов, ни странных мыслей в голове, которые тревожили ещё минувшей ночью. Казалось, я абсолютно свободна, я на море, я счастлива. И как мало мне оказалось нужно для счастья. Просто море. Просто плавать. Просто смотреть на моего беззаботного сына.

Определённо, этот побег был не случаен.

Поручив опеку над мелким Игорю, я побежала встречать ту, которая, преодолев утренний московский туман и несколько часов перелёта, уже должна была быть совсем близко.

И она была.

Она стояла возле дома в белой футболке с двумя большими вишнями на груди и улыбалась. Такая красивая, такая счастливая. Как будто и не было в её жизни раннего утреннего перелёта.

– Привет, моя хорошая, – сказала она.

А я не удержалась и побежала её обнимать. Её, такую светлую, красивую, всегда жизнерадостную. Я соскучилась. Очень соскучилась.

– Привет! Как долетела?

– Отлично. Правда, был один интересный момент. Ты знаешь, – Юля рассказывала взахлёб. На маленькой веранде внизу было одиноко и пусто, лишь дымился чей-то кофе... – Мне повезло, и я летела одна на трёх креслах. И думала: «Боже, как мне повезло!!! Я смогу немного поспать!» Но не тут-то было! – Юля засмеялась. – Только я задремала, как через спинку моего кресла кто-то перекинул пару наушников. Вслед за ними выглянула неопрятная голова старичка придурковатого вида, – мы поднялись по ступенькам, и я открыла дверь в подъезд. – Он

начал заигрывать со мной, предложил послушать музыку вместе с ним, – Юля поморщилась. – А наушники грязные. Фу!!! – мы поднялись домой. – Боже, какая милая белая квартирка! – ахнула моя зубная фея, как только я открыла дверь. – Здесь так уютно.

– Это точно. Располагайся. Теперь это и твой дом тоже. Хочешь чего-нибудь?

– Я бы приняла душ и выпила вина, если есть. Хочу немного расслабиться.

– Есть и вино, и фрукты. Держи чистые полотенца, – я вручила Юле комплект. – Иди в душ, я пока приготовлю всё остальное.

Женская энергия заполнила всё пространство вокруг. Мой дом стал ещё теплее и светлее.

Я помыла черешню и достала вино из холодильника.

– Совсем забыла. Я тебе духи привезла. Пробник, – прокричала Юля из душа сквозь шум воды. – Что-то мне подсказывает, что это твой аромат и он изменит твою жизнь в совершенно другую сторону...

Вот такая она у меня, моя зубная фея. Приехала в этот городок у моря и к той магии, что уже была вокруг, наколдовала ещё своё волшебство. С ней моя новая жизнь стала ещё полнее, ещё реальнее.

Юля вышла из ванной, закутанная в пушистое белое полотенце, вкусно пахнущая белым мускусом. Такая натуральная и женственная, что красный лак на её ногтях смотрелся ещё более актуально и сексуально.

– Так, где там моё вино? – усаживаясь на диван, спросила она.

Я протянула ей бокал. И мы выпили для блеска в глазах.

– А где мой пробник с духами? А то опять забудешь, – мы засмеялись.

Юля вытащила из сумочки маленькую чёрную скляночку. Я несколько раз брызнула себе за уши и на запястье. По воздуху моментально разлетелись сладкие ноты жасмина. Любимый цветок. Это был однозначно мой аромат.

– Боже, спасибо! Спасибо тебе огромное, Юлечка! Они нереально вкусные! Эти духи!

– Я же говорила, что тебе понравится! Теперь осталось ждать чуда... – Юля заговорщически улыбнулась.

– На пляж?

– На пляж!

Мы выбежали из подъезда, счастливые и звонкие, с летом в голове.

На маленькой веранде внизу на стульях, подставив носатые мордочки летнему солнцу, грелись уже такие родные кошки.

Я инстинктивно подняла голову вверх. На большой веранде под самой крышей силуэт в белой футболке помахал мне рукой. И я почувствовала его улыбку и странные эмоции, словно мне вновь 17 лет. И впереди много новых историй. И я на пороге одной из них.

Бабочки в животе или бокал вина? Мне просто потихоньку сносило голову от своей свободы и счастья.

Я не стала рассказывать Юле историю о своих соседях. Решила подождать до вечера, что будет дальше.

Мне не хотелось в тот момент от жизни ничего серьёзного. Но ничего серьёзного от меня и не требовалось.

* * *

В обед на пляже случился странный инцидент, совершенно выбивающийся из красивой реальности.

Нам было очень весело. Мы много плавали и практически не вылезали из воды. Мелкий прыгал с пирса. Там было достаточно высоко, но он хорошо плавал и неплохо нырял. Поэтому, немного посомневавшись, я разрешила сыну эту авантюру. Первый раз он прыгнул удачно, моментально выплыл и безудержно смеялся, опыт ему понравился, и он попросил попробовать ещё. Я задумалась, но учитывая то, что первый раз всё прошло отлично, решила согласиться и не отказывать ребёнку в удовольствии.

Второй раз, как и следовало ожидать, всё вышло по-другому. Мелкий прыгнул, долго барахтался под водой и выплыл с трудом. Он нахлебался воды, вылез немного испуганным и потерянным.

Я постаралась его успокоить своими поцелуями и уверениями в том, что ничего страшного не произошло. Но понимала, что для того, чтобы окончательно прийти в себя, моему сыну нужно время. И мне нужно было время. Хотя я излучала внешнее спокойствие, внутри всё переворачивалось.

Мы всей компанией переместились на лежаки. Воды пока было более чем достаточно.

Море ласковое и нежное, дающее жизнь и вселяющее веру, порой может быть достаточно суровым учителем. Преподнести урок, дать определённое знание. В тот день с мелким случилось что-то подобное. Приобретение жизненного опыта. Море его поближе познакомило с особенностями стихии. Когда ты в стихии, умеешь соразмерять свои возможности, силы и способности. Со стихией нельзя играть, к ней нужно относиться с уважением.

На лежаках, в кругу уже знакомых лиц, бегающих и смеющихся детей, мелкий потихоньку начал приходить в себя. Он изредка улыбался и даже пробовал шутить вместе со всеми, но я заметила непривычную бледность на его щеках и синеву под глазами.

Время близилось к обеду, и мы с Юлей решили подняться на второй этаж на веранду, заказать нам что-нибудь особенно вкусное, отпраздновать приезд и вернуть былую беззаботность нашему отдыху. Мелкий бегал как ни в чём не бывало, играл с Мишей и другими детьми.

Я сказала Игорю, что мы будем на втором этаже и, когда принесут обед, мы их позовём.

Лёгкий ветерок гулял среди столиков, внизу уже привычно шумело море, набрасываясь на берег и облизывая камни, но непривычное для этого странного маленького городка у моря беспокойство не давало мне расслабиться.

Мы сделали заказ. Юля непринуждённо болтала, всё было хорошо, всё было так, как и должно было быть в этот солнечный день, а я всё чувствовала себя как-то не на своём месте.

Я видела, как мелкий носится внизу, слышала детские крики.

– Я пойду посмотрю, как он там, – вдруг сказала я Юле, резко поднимаясь со стула, вышла из-за стола и медленно, в давно забытом паническом беспокойстве, пошла к лестнице, которая вела на первый этаж.

Панические атаки накрыли меня через год после рождения сына. На тот момент я даже не знала об их существовании. Когда я выяснила, что со мной происходит, изучила природу этого явления, мне стало легче с этим бороться. Три года жизни как в тумане, жизни в страхе, когда я думала, что совсем себе не принадлежу. Впоследствии, когда я вернулась к нормальной жизни, панические атаки или, скорее, уже лёгкие панические состояния случались со мной лишь изредка, в моменты эмоциональных напряжений и когда я предчувствовала что-то нехорошее, неприятность, которая должна была случиться со мной или с кем-то из моих близких.

Пока я спускалась по лестнице, меня немного «накрыло». Я искала глазами сына и не могла найти. Вот Игорь, Миша, другие дети... Где же мой сын? Я в панике вглядывалась в толпу на пляже.

Мелкий выбежал из общей массы людей, бледный и напуганный. Он плакал. Я подбежала к нему. На любые мои вопросы о том, что произошло, он не мог ответить. Говорил, что ему плохо. Просто плохо и всё.

Все собрались вокруг нас, предлагая своё участие и помощь. Но я не знала, чем можно помочь. Я окуналась в панику и пыталась вынырнуть вновь и вновь. Наконец я попросила Игоря позвать Юлю.

Мелкого несколько раз вырвало. И ко мне резко вернулось самообладание. Столкнувшись с ситуацией, требующей кардинальных мер, я вновь была самой собой и анализировала реальность.

Мы с Юлей осмотрели мелкого головы до пяточек, расспросили его, чтобы уточнить детали. Мелкий отвечал, насколько ему позволяло его состояние, что никуда не падал и ничем не ударялся. Температуры у него не было. Солнечный или тепловой удар мы исключили практически сразу. Оставалась вероятность отравления, только вот чем – непонятно. Не ягодами же. Но больше всего мы склонялись к версии, что это были последствия второго неудачного прыжка в воду.

Лучше мелкому не становилось. Синева под глазами и вокруг губ, щёки были бледные, как мел. Он лежал на шезлонге без движения, словно не в силах пошевелиться.

– Мне кажется, нужно идти домой, – первой предложила Юля.

– Я тоже об этом думаю, но не знаю, как это сделать. Не хочу его вытаскивать на жару в таком состоянии, – мысли путались в голове, но я старалась соображать быстро и отбрасывать подальше любую истерику.

– Катюнь, так будет лучше в любом случае. Там кондиционер и нормальная кровать.

– Ты права. Всё нормально, донесу его без проблем.

– Отлично, бери мелкого, а я пока соберу все наши вещи.

Я повесила себе на плечи рюкзак. Юля взяла всё остальное. Мы всё делали молча, организованно и быстро, словно на автомате. Маленького, бледного, измученного, я взяла сына на руки и нежно прижалась к нему всем телом. Он тоже прильнул ко мне изо всех своих сил, что у него остались.

Казалось, что я совсем не чувствую жары, так сильно адреналин гулял по венам. Я прятала маленькую головку от солнца, прижимая сына всё ближе и ближе к себе. Тяжёлый, совсем большой, он постоянно сползал по моим рукам вниз. Казалось, вот-вот и мне не хватит сил нести его дальше. Но я шла, почти бежала, спасая его, оберегая, делясь своей любовью. Я не уставала шептать слова нежности и целовала пушистую золотую макушку. Материнский инстинкт – это одна из самых сильных вещей на свете. Я думаю, что не перестала бы нести мелкого домой, даже если бы отказали мои руки и ноги. И не перестала бы говорить, как сильно люблю его, даже если бы замерли все звуки на свете.

Несколько подъёмов в гору, и мы были на месте.

В прохладе квартиры, как мне показалось, нам всем стало намного легче.

– Уложим его на кровать? – скорее у себя, чем у Юли, спросила.

– Да, я принесу воды...

Мы уложили мелкого на прохладные белоснежные простыни, раздели его полностью. Он лежал, по-прежнему бледный, с закрытыми глазами. Лучше ему не становилось. По ровному дыханию мы поняли, что он уснул.

Но беспокойство не оставляло меня. Бледность его щёк говорила о том, что кризис ещё не миновал, и неизвестно, что ждало нас дальше.

– Меня беспокоит, что он такой бледный, – разделила мои опасения Юля.

– Что это может быть? Я в растерянности.

– Не знаю. Мне всё-таки кажется, что это из-за его неудачного прыжка. Может, нахлебался воды.

– Напишу L.

– Может быть, не дергать его пока? Напишешь попозже.

– Юля, я должна посоветоваться. Он должен знать, что с мелким творится что-то непонятное.

– Если честно, – Юля немного замешкалась, словно размышляя над тем, что собиралась сказать. – Я вижу, что ничего особо страшного с твоим сыном не происходит, успокойся, Катюня. Если бы было что-то серьёзное, симптомы были бы совсем другие.

Из спальни послышались характерные звуки: мелкого опять рвало.

Я отнесла его в душ, он еле стоял на ногах. Мелкий осторожно сел на пол душевой кабины.

– Можно я тут посижу, мамочка, – медленно выговаривая слова, произнёс он.

– Конечно, сладкий.

Пока он сидел под струями прохладной воды, мы с Юлей сняли испачканное постельное бельё и постелили новое.

В душе мелкому заметно полегчало. На щеках наконец-то появился румянец. Мы с Юлей переглянулись. Кажется, теперь всё должно быть хорошо.

Я вытерла сына всего мягким белым полотенцем и отнесла обратно в прохладную комнату.

– Мне кажется, или он наконец-то немного порозовел? – с надеждой в голосе спросила я.

– Да, Катюш, ему лучше, – Юля смотрела на меня ободряюще. – Хочешь, попьём чаю?

– Я посижу с ним, пока он не уснёт, а ты завари мне ромашку, пожалуйста.

– Конечно.

Но стоило мне вернуться в спальню, как мелкий уже уснул. Его значительно порозовевшие щёки действовали на меня ещё более успокаивающе, чем ромашковый чай.

И мы пили чай, и много говорили полуснёпотом, чтобы не разбудить маленького белокурого мальчика в соседней комнате, чьё лицо с каждой секундой здорового сна становилось всё розовее и розовее. И он всё спал и спал, окунувшись всем своим естеством в беззаботные детские грёзы.

– Пожалуй, я пойду схожу в магазин. Хочу купить курицу и сварить мелкому бульон. Возьму сыр, вино и фрукты. Кто знает, возможно, сегодняшний вечер мы проведём дома, – предложила Юля.

– Но ты же ничего тут не знаешь, давай лучше я схожу.

– Нет, нет, мне полезно будет прогуляться, а ты побудь рядом с сыном.

– Спасибо. За это время я приберусь в квартире и подготовлю тебе чистое постельное бельё.

Юля ушла, а я принялась наводить порядок. Одно из моих любимых занятий – наводить порядок в хаосе. Хаос, как следствие событий сегодняшнего дня, ворвавшихся в нашу летнюю реальность, был повсюду. Но к моменту возвращения моей зубной феи всё встало на свои привычные места.

Малыш мирно сопел. Пахло чистотой и заботой. Наш временный дом снова был полон светлых надежд и радостных ожиданий. Я переписывалась с L и он поддерживал меня как мог. И было видно, что мы все в достаточной степени успокоились.

Юля вернулась с огромными пакетами. И мы, как дети в ожидании праздника, начали разбирать покупки. Вкуснейший сыр, свежее масло, хорватское вино и, конечно же, тушка цыплёнка для супа. Юля принялась готовить, и уже через несколько десятков минут по всей нашей белой квартире в зелёном доме разносился аромат свежеприготовленного бульона с кар-

тофелем и вермишелью. Запах из детства. Когда наши бабушки и мамы колдовали на кухнях, а мы росли здоровыми и счастливыми, наедали щёки и думали лишь о том, как наестся черно-плодной рябины, перепачкав все руки в чернильно-синее, и покормить котят в соседнем дворе.

Мелкий всё спал, а мы и не торопились его будить, понимая, что ничего нет лучше для заболевшего ребёнка, чем здоровый полноценный сон.

Он проснулся, когда уже начинало вечереть.

Услышав его радостный голос из спальни, я бросила ноутбук с работой, вскочила и побежала ему навстречу.

По первому взгляду на ребёнка мы с Юлей поняли, что мелкий абсолютно здоров. Оставалось только накормить его горячим бульоном, чтобы закрепить результат.

Мелкий ел суп и весело рассказывал Юле то об одном, то о другом, и моему счастью не было предела. Я смотрела на него и улыбалась. Я чувствовала, что всё хорошо, кризис миновал. Странное происшествие того дня осталось в прошлом.

Решено было идти гулять до умопомрачения, покупать игрушки и в завершение вечера устроить праздничный ужин в каком-нибудь очень хорошем ресторане.

Покружив по квартире в безудержном веселье, какое бывает, когда напряжение отпускает, мы с Юлей оделись в длинное. Я – в белую с синими полосками футболку и любимую синюю юбку. Юля – в длинное платье в цветочек. Романтические, летящие, свободные.

Разбавлял нашу романтику непоседливый белобрысый мальчуган в белой рубашке и тёмно-синих шортах. Несколько часов назад он лежал без движения, бледный и я совершенно не понимала, что происходит, а теперь он скакал вокруг нас, заряжая своей нескончаемой энергией, и мы с Юлей смеялись над ним, переполненные всем самым светлым, что могут подарить нам здоровые розовощёкие дети.

Мы вышли из дому, и кошки всех сортов и мастей бросились от мелкого врассыпную, словно брызги разноцветных красок. Две серые с белым попрятались между горшков с цветами, чёрная и две пёстрые спрятались в траве, а остальные разбежались по кустам.

– Мелкий, пошли уже ужинать, – мы с Юлей спускались вниз по улице в сторону набережной и чувствовали, как все оборачивались нам вслед, машины сигналили, а женщины, по обыкновению, смотрели с неприязнью. Мы были красивы. От нас веяло жизнью и желанием жить. Мы были сильными. Мы и притягивали, и отталкивали одновременно.

– Мамочка, я бегу! – наш маленький, но очень элегантный спутник догнал нас и взял за руки.

Он был абсолютно здоров.

Как же прекрасны летние вечера в маленьких и больших городках у моря в самом начале сезона. Когда словно чувствуешь себя частью большого праздника, карнавала. Много людей, все радуются, веселятся, все беззаботны и счастливы. В тот вечер, после минувших переживаний и в обществе близких людей, это чувствовалось как никогда.

Магазинчики пестрили сувенирами и детскими игрушками, какими-то разноцветными платьями и шляпами, развешанными там и тут, браслетами и прочей туристической ерундой.

Все столики в атмосферных ресторанчиках были заняты. Рыба, вино, долгие и шумные разговоры, смех – курортная романтика.

Из маленьких окошек продавали пиццу навынос, и люди ели огромные куски прямо на ходу. И только тут я поняла, насколько я была голодной. Как сильно мне хотелось есть.

Мимо нас бесконечными веренищами тянулись ряды колясок с малышами. С рожков таяло мороженое, капая на асфальт, стекая по нежным детским ладошкам. Шоколадное, ванильное, карамель – любых сортов, даже на самый взыскательный вкус, какое захочешь.

Цветы, деревья, камни мостовой – всё в этом маленьком странном городке было пропитано духом летней жизни, всё вокруг кипело и бурлило в водовороте душных вечеров, когда только и радуешься случайно подувшему бризу с моря.

Мы шли по набережной, и я всё время искала мелкого глазами, а он убегал то далеко вперёд, то отставал позади у очередного детского игрового автомата.

В этот вечер у него появился пистолет. Причём пистолет с большой буквы. Он призывно моргал красной лампочкой и при нажатии на курок издавал душераздирающие звуки.

В нашей компании стало ещё веселее, и, заглушая шум толпы, над улицами городка раздавался грохот детского пистолета. Такого же громкого, как его новый хозяин.

* * *

Ресторан выбирала Юля. Сегодня был её первый день на море, а значит, и право выбора принадлежало ей. И она выбрала, в своём стиле. Ресторан, который в тот вечер идеально подходил ей как никакой другой. Очень атмосферный и колоритный. Стулья из красного дерева, свечи и море.

– Местное будем пить? – спросила Юля, присев за столик у воды.

– Ты знаешь, оно у них не очень, кислятина, – с видом знатока я расстелила салфетку на коленях. – Но в первый твой вечер, думаю, местное будет как нельзя кстати.

– И морепродуктов обязательно, – мы изучали меню.

– А я хочу капрезе, – я смотрела на лодки на воде и вспоминала другой такой же вечер только несколько лет назад.

– Тебя Италия и здесь не отпускает? – Юля странным образом прочитала мои мысли.

– Ну, видимо, это моя судьба, – я улыбнулась.

Подошла красивая официантка в элегантном костюме цвета крем-брюле:

– Добрый вечер, что будете заказывать? – на отличном русском спросила она.

– Бутылку холодного шардоне, капрезе и салат с морепродуктами, – Юля взяла инициативу на себя.

Мелкому мы решили ничего не брать. Он хорошо поел дома, да и не до нас ему было в тот момент. Он уже познакомился со сверстниками и вовсю демонстрировал свой чудо-пистолет. Как же он был похож на меня в его возрасте. Быстро заводил знакомства и легко обретал новых друзей.

Потихоньку зажигались огни и свечи. Вечер плавно переходил в ночь. Принесли пузатую запотевшую бутылку в ведёрке со льдом. Белое заструилось по бокалам. В этот момент с улыбкой на губах я подумала: «Ну что, понеслась!»

– Давай выпьем за наш отдых, – Юля подняла бокал.

– Отличный тост.

Дзынь-дзынь. Дзынь-дзынь. Дзынь-дзынь.

Прозвенели наши бокалы. Пить на голодный желудок, да ещё после бессонной ночи, да ещё после такого выброса адреналина днём оказалось занятием достаточно рискованным. Уже после первого бокала меня повело. Приятная лёгкость и счастье с головы до пяток. Главное, не натворить чудес в такой замечательный вечер. Но без чудес жизнь была бы совсем не про меня.

По Юле было видно, что её тоже достаточно быстро расслабило, и наши салаты принесли как раз вовремя. И было весело. Очень весело. И всё казалось таким розовым. Зефирным. А еда была неминуемо вкусной, как и всегда в этом городке у моря.

– Боже, ты только попробуй этот салат, – Юля протянула мне кусочек тёплого нежного осьминога.

– Я же говорила, что осьминогов здесь готовят феерически!!! – казалось, ещё немного, и с нами случится гастрономический оргазм. – А ты попробуй мой капрезе. Нереальная моцарелла и соус песто – просто песня, густой, насыщенный вкус базилика. Сегодня волшебный вечер какой-то. Даже местное вино мне кажется очень вкусным.

– Конечно волшебный! Я же прилетела! И мы все вместе, и всё хорошо!

– Ты права. После таких инцидентов, как сегодня днём, всегда чувствуешь себя несколько иначе. По-особенному. Более счастливым, что ли. Ну, то есть вот у тебя всё было вроде нормально, а потом тебе дали посмотреть, как может быть плохо, и, когда всё стало опять нормально, тебе стало нормальнее в два раза больше. Значит, совсем-совсем хорошо. Как будто тебе напомнили, что в любой момент может случиться всё, что угодно. Одно быстро сменяет другое. Нужно уметь радоваться тому, что имеем, пока наши дети и мы сами здоровы. Стоп. Вот и поплыла от вина и вкусной еды. Мне кажется, я бред несу.

– Не выдумывай, ты что??? – Юля засмеялась. – Я поняла, что ты имеешь в виду, и не могу с тобой не согласиться. Давай выпьем за это!

– Юля, мы что «уговорили» бутылку?

– Катюня, сегодня можно. Можно всё. Лучше расскажи, как ты тут осваиваешься?

– Я, – мне сразу стало как-то непонятно, словно я полностью счастлива, но мне чего-то очень не хватает, – сама не знаю. Мне тут очень хорошо. Очень. Даже не ожидала, что будет так. Так странно, словно я дома.

– А в личном? – Юля заговорщически улыбнулась, и меня накрыло смущением.

– Я не знаю, – я задумалась на секунду, разглядывая огоньки вдали. – После того, что произошло за последние годы, мне кажется, я уже ничего не понимаю в любви между мужчиной и женщиной, и все мои представления об этом чувстве стёрты напрочь. От этого горько. Ты знаешь, ты романтик, как и я. Нам в этом мире без любви никуда. Мы ею дышим. Сейчас я стараюсь всё компенсировать себе другой любовью, я дышу любовью к сыну. И как бы ужасно ни звучало, но это факт – одной лишь материнской любви женщине не достаточно. Пока у меня так. Но я верю, что придёт момент и я точно во всём разберусь, – мы обе замолчали в темноту. Свеча на столике подрагивала пламенем. Где-то недалеко разносились звуки новенького пистолета. И они успокаивали меня. Мелкий был рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.